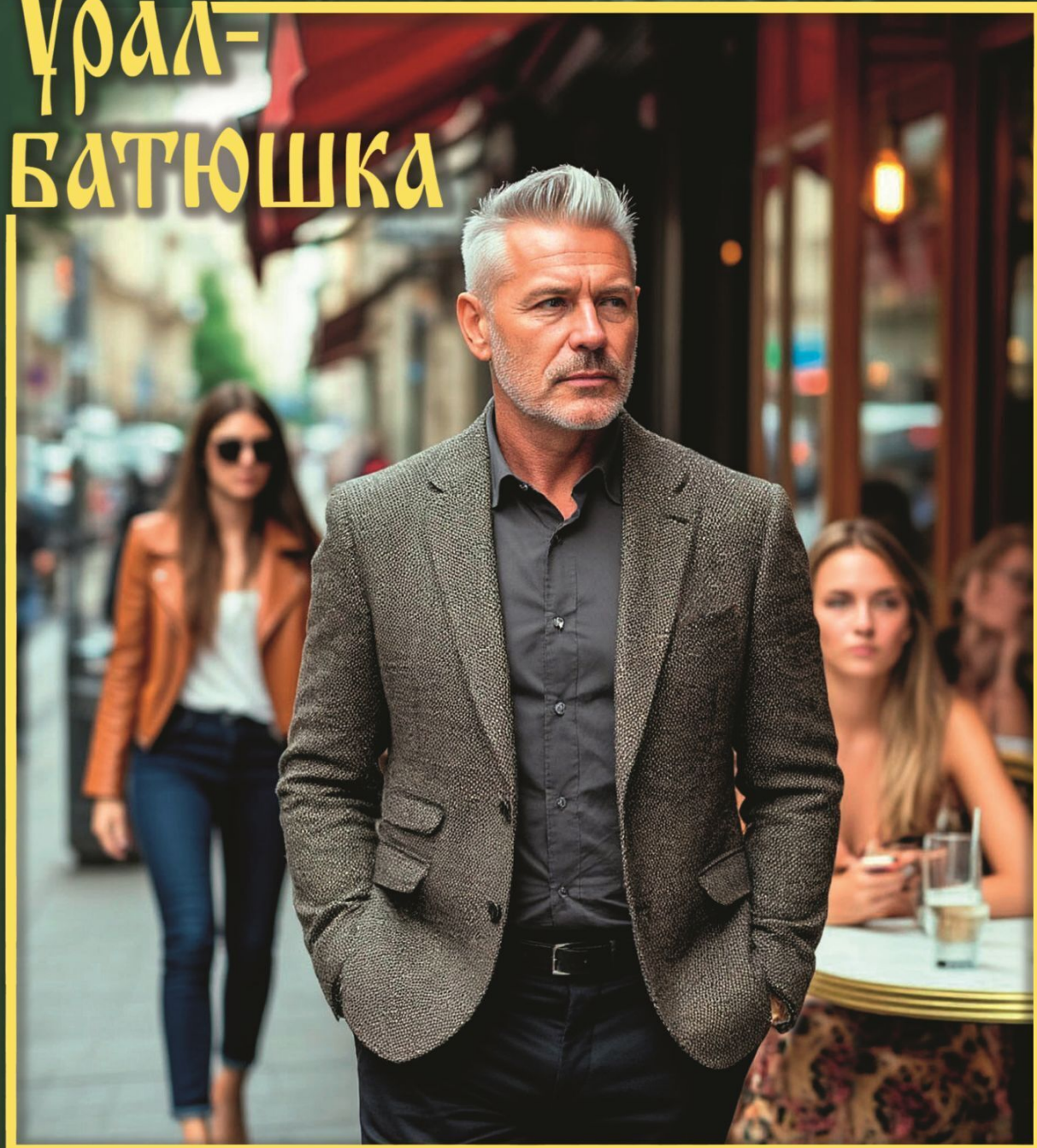


СЕРГЕЙ
МАРТЬЯНОВ

Урал-
БАТЮШКА



Повести Варшавского

Урал-батюшка

Сергей Мартьянов
Повести Варшавского

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Мартьянов С. В.

Повести Варшавского / С. В. Мартьянов — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-5084-6

Книга известного уральского писателя Сергея Мартьянова состоит из десяти коротких историй о сопротивлении человека агрессивному хаосу повседневности. В каждом произведении проверяются на прочность простые жизненные смыслы и выявляются обстоятельства, влияющие на судьбу героев: юной отличницы, медсестры, репетитора, предпринимателя, дальнобойщика, академика, офицера, шахтёра, актрисы, уборщицы... Всех их объединяет общий персонаж — писатель Леонид Варшавский.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5084-6

© Мартьянов С. В., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Голая	6
I	6
II	8
III	9
IV	10
V	13
VI	16
VII	17
VIII	19
IX	21
X	24
XI	31
Антифриз	32
I	32
II	34
III	35
IV	37
V	39
VI	40
VII	42
VIII	44
IX	46
Братик	47
I	47
II	47
III	49
IV	49
V	51
VI	52
VII	54
VIII	54
Дельфин	57
I	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Викторович Мартьянов
Повести Варшавского
Сборник рассказов

* * *

© Мартьянов С.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2026

Голая

У него была редкая психическая болезнь, он не мог забыть ничего, из того, что было, потому что жил воспоминаниями, и лишь сон освобождал его от бремени прошлого.

«Матрикс»

I

Лёня не был почему-то даже в детстве. Он всегда знал столько, сколько необходимо, чтобы его поведение не вызывало вопросов. Океаны информации интересовали его не более чем лужи на дороге, он обходил их стороной, не читал лишнего и не вникал в чужие дела. Слухи и сплетни не возбуждали воображение Леонида. Он всегда, каждую минуту знал, что надо делать, и выполнял свои обязанности добросовестно.

В Институте экономики и права Леонид Гарьевич Варшавский преподавал «Историю России». Его не волновали политические концепции, авторские версии и битвы титанов научной мысли. От студентов на экзаменах профессор требовал только факты: «Что произошло? Где и когда?», поэтому в институте коллеги по кафедре между собой Варшавского называли «Ворошилов». Прозвище придумали женщины, для которых Леонид Гарьевич был столь же тёмным и недоступным, как и ведущий популярной игры «Что? Где? Когда?» – Владимир Яковлевич Ворошилов.

Варшавский не отзывался на прозвище, но ему оно нравилось. Фамилия Ворошилов в его сердце была окрашена тёплыми чувствами. Дело в том, что девичья фамилия Ирины Игоревны, его жены, была Постышева, у неё имелась подлинная фотография настоящего Ворошилова, Климента Ефремовича, и Павла Петровича Постышева, организатора первых кремлёвских ёлок. Эту карточку Ира тайно показала Леониду в Пединституте, – так она познакомилась с ним. Потом Ира призналась, что фотографию она украла в архиве во время практики, – так они подружились. Когда Ира заявила, чтобы он не обманывался, и она «не такая девушка, какую ему надо», то Лёня понял, что Постышева, которая «не такая, то есть не та самая Постышева», ловко его разыграла с фотографией – и, недолго думая, женился на предприимчивой студентке.

По зашарканному шинами ледяному тракту – с пробуксовкой и заносом – полный троллейбус отвалил от поребрика. Ничего, ни машин, ни людей не видел Леонид Варшавский, и не потому, что окна троллейбуса были наглухо заморожены, нет, он не был слепым человеком, просто граждане в массе его не интересовали. Люди видели его широкую спину даже тогда, когда он разворачивал в их сторону зрачки, поэтому вокруг человека с развёрнутыми вовнутрь глазами обычно получалось свободное место. Вокруг Леонида всегда было свободно, не то чтобы пусто, но часто. К этому явлению он привык и не замечал в себе какой-либо странности.

В тёплых итальянских сапогах и меховых перчатках Варшавский сладко дремал у окна троллейбуса. Во сне он нежно целовал мягкие груди высокой женщины и трогал языком белую горячую кожу. Рука погружалась в густые вьющиеся волосы. Ладонь чувствовала толчки сердца и твёрдый большой сосок между пальцев. Он прижимался к узкой спине женщины, одетой в грубый серый халат, маял груди и впитывал запах немытого тела, вцепившись зубами в тонкую шею, в загривок. Её затылок откинулся и открылась прямая переносица с растопыренными ноздрями. Тонкими губами женщина обняла его рот и знакомое, трогательное в мелочах наваждение окончательно овладело тонкими телами Варшавского.

Высокая женщина в бледно-голубом костюме несла себя через двор его дома. Всегда одна, никогда и никого возле, ни подруг, ни мужчин. Она внимательно переставляла туфли на широком каблуке и смотрела на асфальт так, будто искала свои прежние следы – или скрывала глаза от посторонних. Голые мраморные, открытые до середины бедра ноги венчала кудрявая маковка чёрных волос.

Шаг в шаг он двигался следом, видел покатые плечи, точёную талию, стекающую книзу линию бёдер. Приблизиться, нагнать, остановить эту женщину он не мог, – слабость овладевала телом, страх душил спазмами и острая боль возникала в нижней части живота.

Один раз, прикрывая глаза руками, он обогнал женщину, развернулся и решительно ринулся навстречу. Незнакомка, не отрывая глаз от земли, улыбнулась. Варшавский почувствовал её улыбку, как касание губ, – щека стала мокрой от влажного поцелуя!

В другой раз, очарованный непонятным, явно нездешним, чужеродным запахом женщины, Варшавский преследовал свою мечту до тех пор, пока не упёрся в порог районного отделения милиции. Вот и вся загадка! Женщина служит в бухгалтерии или канцелярии, сортирует бумаги и заполняет бланки шариковой ручкой, у которой течёт стержень, – образ мечты стал проще и доступнее. До окончания рабочего дня он наблюдал за движением машин и людей вокруг здания, но знакомка будто провалилась сквозь землю или испарилась?

После этого случая Леонида стали одолевать сексуальные грёзы, в которых ему являлась богиня с копной чёрных кудрявых волос, небольшой грудью, длинными бёдрами и ускользающим взглядом неизвестного цвета. Он не знал, какие у неё глаза, просто чувствовал и верил, что светлые, и этого было достаточно.

Варшавский переменял две квартиры, но видение крепко прижилось в памяти. Она была героиней его любовных фантазий, доброй подругой, которая лежала на полу или сидела рядом, иногда посещала его в институте, появлялась в аудитории. Был период, когда она раздевалась и дразнила его, иногда это происходило среди посторонних. Никто не видел её и не подозревал о её существовании. Никому и никогда Леонид Гарьевич не рассказывал о её присутствии, разумно полагая, что привязанность к видениям явление обычное, тайные друзья есть у всех, и он нормальный.

В троллейбусе Варшавский очнулся от острого запаха кофе. Возле лица увидел сначала стаканчик с трубочкой, а потом студента в жёлтом рюкзаке, который одной рукой держался за верхнюю трубу, а в другой имел горячий стаканчик.

– Куда лезешь со стаканом, разве можно с кофе в вагон, – не глядя в лицо, ругнулся на него Варшавский.

– Это салон, а не вагон. Мы с вами в разных поездах, – поправил его молодой человек.

Никто не откликнулся на эту шутку, Варшавский промолчал, и жёлтый рюкзак отошёл от него. С утра ему очень не хотелось подниматься и ехать в поликлинику, но талон он брал давно, и надо было попасть на консультацию к заведующей отделением, чтобы оформить направление в стационар на профилактику.

Профессор потянулся на сиденье, напряг мышцы спины и плечевого пояса, втянул живот и сжал кулаки, ему, бывшему штангисту, нравилось ощущение собственной силы. Несмотря на возраст, на приличный возраст, сила у него была. Леонид окончательно проснулся, посмотрел на часы, потом на табло в троллейбусе: за бортом минус 28 °С.

II

В поликлинику Варшавский пришёл вовремя и громко объявил, что у него талон на девять часов сорок минут. Ему ответила женщина в круглых бусах, мол, будете за мной. В коридоре в основном сидели старухи, компания неприятная, из мужчин – лысый пенсионер в просторном костюме, под которым топорщилась тёплая клетчатая рубашка. «Деревня», – определил его Варшавский и поискал глазами место, на которое можно было бы сесть. На полу его внимание привлекли белые женские унты. «Наверное, из меха белой коровы или белой лошади», – понял он и увидел старуху в синем милицейского типа костюме, завёрнутую в белую вязанную дырчатым узором шаль. Что-то забытое было в её облике.

«В таких костюмах ходили в казённых местах. Бледное, нежное лицо, неуловимый взгляд. Просто. Просто, если подумать, тогда женщина была моего возраста, не старше. Неужели она так сдала и так изменилась, может быть, болезнь, клюка, и потом говорят, если женщину раздеть и лицо накрыть подушкой, будет на десять лет моложе? Глупость, боже мой, старею, слабею». – На лице от собственных мыслей появилась брезгливая гримаса. Варшавский прошёл по коридору мимо старухи раз, потом ещё раз, вьющиеся волосы были чёрными, без признаков седины. «Краска, басма. Она лет на десять старше», – определил Леонид и встал у стены. Теперь очередь его уже не раздражала. «Может быть...» – с этих слов хотел начать разговор, но не решился. Он вспомнил, что утром не пил кофе и не успел позавтракать. «Надо найти кофе», – решил Варшавский.

– Я буду за вами, – напомнил он женщине в бусах. – Схожу за кофе! – неожиданно громко, для всех объявил Варшавский. В этот момент он увидел себя со стороны. Седой, стриженный ёжиком, импозантный, светлоглазый гражданин в дорогом сером костюме и синем джинсовом галстуке. Леониду со стороны показалось, что он произвёл должное впечатление. Лицо старухи дрогнуло, может быть, она улыбнулась. Он не был уверен, сердце билось редко и так натужно, что отзывалось болью в висках, такое случалось у него и раньше, иногда.

В холле поликлиники, напротив гардероба один автомат выдавал газированные напитки, второй обещал кофе. Варшавский попробовал включить кофейный автомат, у него не получилось. Он попробовал ещё раз, заглянул сзади, проверил подключение к сети.

– Не работает. Пятый день морозы стоят, студенты всё кофе выпили, – услышал он женский голос из гардероба.

Варшавский не обернулся, потому что из автомата звучала музыка: «Бум, бум, бум – тыч, тыч. Бум, бум, бум – тыч, тыч», – и так далее. В соседнем автомате он взял банку газировки. Вода оказалась охлаждённой. Он её осторожно открыл, мелкими глотками медленно выпил всю банку. Сердце успокоилось, головная боль отошла, но странный техно-поп будоражил сознание: «Возможно, это прикол, студенты в автомат гаджет зарядили? Или – это приступ. Начало приступа хорошее, старуха явилась». Когда он вернулся в коридор, старухи не было. «Она в кабинете», – возникла неопределённая беспокойная мысль.

Леонид дождался, когда из кабинета врача вышла пациентка. Он успел заглянуть в помещение и кивнуть врачу, – старухи там не было. Тогда он обратился к женщине в бусах, которая ему сообщила, что дама в синем костюме с клюкой получила у сестры рецепты и ушла, потому что у врача была раньше. В разговор включились другие и рассказали, что синяя с клюкой была первой в очереди. Они пришли – она уже здесь была, пришла без талона, потому что в больнице своя. «Ошибся, обознался, хотя интересно было бы её встретить, да-а». – В этом настроении Варшавский мухой проскочил кабинет и с направлением в стационар на апрель покинул поликлинику.

III

Троллейбусов долго не было, Леонид почувствовал это, ощутив сильный голод. Мысль возникла неожиданно, сама собой, он зашёл в магазин. Варшавский никогда не покупал маленькие бутылочки, всегда брал нормальную и больше. С детства вьелось, отец говорил, когда покупал водку: «Что мы – дети?», – и брал пол-литровую. Юмор в этой шутке состоял в том, что Гарий Львович был детским писателем и работал в «Пионерской правде».

Леонид взял, как обычно, дагестанский коньяк с Пушкиным на этикетке, хотя там был нарисован не Пушкин, а профиль Багратиона в бакенбардах. Фирменный знак Кизлярского коньячного завода нарисован был так ловко, что генерал походил на поэта. Варшавский всегда говорил: «Дайте мне Пушкина», – и получал без ошибок бутылку «Багратиона», тоже шутка. Там же Леонид взял аппетитную, красного цвета сырокопчёную нарезку. Продавщица предупредила его, что это конина?! Он махнул рукой в смысле «ну, и хорошо» и вернулся на остановку.

Народу собралось много, троллейбусов по-прежнему не было, люди топтались на морозе, желающих присесть на скамейку не было. Варшавский глотнул несколько раз из горла. Коньяк отдавал спиртом, чувствовалась дубовая бочка, никаких ванильных и фруктовых ароматов. «Пушкин» особенно хорош на морозе. Коньяк мужской, жёсткий. Он убрал бутылку во внутренний карман пиджака. Нарезка оказалась на редкость хороша. Леонид трижды себя похвалил, что глаз-алмаз высмотрел то, что надо, и цена небольшая, и на вкус – вещь.

Троллейбусов по-прежнему не было, ноги стали остывать. В стороне от остановки он увидел машину дорожно-постовой службы и направился в её сторону. Возле машины профессор нашёл капитана полиции. «Надо же, четыре звёздочки, как на коньяке, как у Женьки», – удивился совпадению Варшавский. Первым движением его души было желание угостить капитана коньяком, но он моментально отмёл идею как вздорную, и просто спросил: «Кого ждём?» Капитан позвонил начальству и сообщил, что ждём приказа на открытие движения для транспорта ещё минут пять, десять.

В переполненном троллейбусе было тепло, но места Варшавскому не досталось. Он стоял и размышлял, что сварит робусту, положит в турку три ложки Лаваццы Бурбон Интенсо, немного перца, соли и сахара три ложки. Сначала съест густую кремовую пенку, потом медленно, наслаждаясь пряным ароматом, не отрываясь и не отвлекаясь, до дна выпьет чашку липкой робусты. Его вниманием овладела дама в белом пуховике, в белой шапке. На взгляд Леонида, она была старовата. «Ляля в одеяле, вырядилась невеста, ставлю десять к одному, что у неё валенки белые?!» – Он так заинтересовался её обувью, что продвинулся по проходу троллейбуса. Дама действительно была в белых сапогах. «Да, крашенный мухомор. Да, она пьёт и курит, но ещё ничего, тело есть». – Романтические мысли согрели Леонида. Он хотел глотнуть из бутылки в троллейбусе, но разумно воздержался.

IV

Профессор жил в старом четырёхэтажном доме из красного кирпича. Ему нравилось в этом доме всё, широкие дубовые перила на литых чугунных балясинах, продавленные жильцами ступени, широкие площадки. Даже запах дома, слегка вонючий, сравнимый с ароматом сыра, хороших вин, старой мебели и древних архивов – нравился.

На третьем этаже он невольно остановился, чтобы передохнуть, отдышаться, одна из трёх дверей была приоткрыта, он хорошо слышал голос Кати. Соседка разговаривала по телефону про мясо и колбасу. Варшавский прислушался: «Где я тебе телячью колбасу возьму, нету... да-да, если на рынке, баранину, баранину купи... в магазине чурки есть, баранины нигде нет, нет... что они жрут, я не знаю... сделаю тушёную в горшочке с овощами... да-да с перцем, без картошки, чебуреки сам себе делай, я только готовые могу жарить!» – звонко, детским голосом кричала в телефон Катя. Профессор толкнул дверь и постучал, Катя вышла в прихожую, выкатила круглые удивлённые глаза и жестом пригласила Варшавского зайти.

– Да, всё, ко мне пришли, жду, приходи. – Она отключила смартфон. – Это Вовка дверь не закрыл. Вы заходите, заходите, – пригласила она Варшавского.

– Живём в соседях, а я у вас не был ни разу. – Леонид снял дублёнку, шапку, в пиджаке топырилась бутылка. Он достал её, отдал Кате: – По дороге грелся, троллейбус долго ждал, замёрз, понимаешь.

Катя Жирова занимала большую двухкомнатную квартиру. Родители её развелись и разбежались. Отец в Москву уехал, мама в Питер. Муж ушёл, оставил вещи, сына и фамилию, всё ей. Долго она не куковала, в квартире поселился сожитель, иностранец из Турции. Варшавский не знал, как его зовут, и не здоровался с ним, когда они встречались в подъезде, турок тоже не навязывался.

– Хорошо вы устроились, можно я в туалет загляну. Ах-ах-ах, – похвалил он хозяйку, – лучше, чем у меня. Шикарно отделали квартиру, как в Греции, всё есть.

– В Турции! Это всё Селим. Я только обои и плитку выбирала. Он меня с Вовкой в Анталию на пляж отправил. Пригнал своих, они быстро всё сделали. – Катя работала в больнице и дома ходила в медицинской спецовке: в зелёных штанах и розовой лёгкой блузке с короткими рукавами. Она достала бокалы, нарезала твёрдый с дырами сыр.

Сквозь широкие стеклопакеты солнце заливало кухню радостью. Аромат молотого кофе и натурального сыра наполнил столовую.

– Здесь тёплый пол, – не оборачиваясь, чувствуя, что он смотрит на её босые ноги, сказала Катя.

Варшавский крутанул бокал, маслянистый коньяк медленно стекал по стенкам. Катя подошла к нему, он крутанул бокал ещё раз, – у неё были добрые голубые глаза.

– Давай выпьем по-эстонски, – предложил Варшавский.

– Это как?

– Молча, так они пьют после двенадцати ночи. – Леонид приложил палец к губам, посмотрел в голубые глаза.

Катя тоже приложила палец к губам, сделала серьёзное лицо, и они выпили, не отрываясь глазами друг от друга.

– Ты слышишь музыку? – Леонид начал пританцовывать и подпевать: – Буб, бум, бум, тыч, тыч...

– Нет.

– А я слышу, бум, бум, бум, тыч, тыч, так слышу, будто телефон проглотил, и он у меня здесь играет, бум, бум...

– Ой, – вздрогнула Катя и повернулась к газовой плите, на которой закипало кофе. Она разложила золотистую пенку по чашкам, ещё два раза довела его до кипения.

Леониду нравился старый дом, потому что здесь был газ, живой огонь. Он думал построить камин у себя на четвёртом, или лучше печь-лежанку, чтобы топить её берёзовыми дровами. Варшавский раздвинул жалюзи, его возбуждал запах кофе, солнечный свет и спина молодой соседки. В солнечных лучах сквозь ткань он видел возбуждённое его присутствием тело.

– Не выключай газ, ты можешь с одного раза задуть конфорку на плите?

– Не знаю, – Катя поставила чашки на стол.

– Как свечки на торте, можешь?

Катя показала Леониду страшные глаза и решительно подошла к плите.

– Волосы поддержи, а то опалю.

Варшавский собрал и завязал её волосы полотенцем так естественно, будто всю жизнь работал в салоне красоты. Газ шипел и не сдавался. Катя долго дула на конфорку, лицо покраснело, она устала и отошла от плиты.

– Смотри, как надо. – Леонид добавил огоньку и задул его резким решительным выдохом в один порыв. – Давай, ещё по одной, выпьем по-мексикански, смотри на меня. – Он левой рукой полоснул себя по горлу, мол, голову кладу на отсечение. Катя повторила его жест. Они поменялись бокалами и выпили по-мексикански.

Варшавский знал, что малознакомые женщины не любят целоваться. Он крепко прижал Катю к своему телу и почувствовал покорное согласие. Обхватил её бедра сильными руками и поставил на стул. Прислонился лицом к животу и начал гладить ноги, приговаривать и ласкать добрыми словами. Штаны упали, обнажился лобок и ягодичцы, Катя взяла его голову и крепко, крепко прижала к себе. Варшавский снял женщину со стула и отнёс на диван. Устроился поудобнее и начал действовать. Работал уверенно. Скрученная в голове пружина пришла в движение. Маятник работал равномерно, как ноги опытного стайера на дистанции. Сначала он слышал её дыхание, потом начались всхлипывания, Катя упала с колен, растеклась по дивану и затихла.

«Накатило», – понял Варшавский. Он продолжал равномерно нарезать круги, не чувствуя ног и усталости, глубже и глубже погружаясь в опьяняющий бред. В руках он держал белое горячее тело и целовал тонкие губы, тонкие веки закрытых глаз, щекотал языком уши. Незнакомка извивалась и судорожно дрожала в его объятиях. «Любимый, любимый, люблю, люблю, ещё, ещё, да, да, да...» – Её голос, несильный, порывистый, шелестящий глухими польскими нотами, он знал хорошо. Она губами охватила его рот, и от этого долгого удушьящего поцелуя Варшавский кончил, как скорый поезд на полустанке, тихо и неожиданно.

Катя лежала под ним со свёрнутой на бок шеей. «Жива ли», – подумал Леонид и решительно развернул её лицом к себе. Неожиданно она начала вырваться, кричать: «Не трогай, не трогай, пусти, пусти, оставь, оставь меня!» Кожа её покрылась шершавыми пупырышками. Она крутилась и дёргалась в его руках как пойманная рыбёшка. «Успокойся, тихо, тихо, моя девочка, все пройдёт, сейчас отпустит», – шептал Варшавский и крепко прижимал её к себе, жадно впитывая толчки и конвульсии кипящей страсти.

Когда она вышла из ванной, то была одета в такую же спецодежду, но другую.

– Сыр хорош, запах приятный. – Леонид демонстративно обнюхал кусочек сыра. «Вот и не было ничего, умерла и воскресла, мы исчезаем и появляемся, умираем и рождаемся, каждую минуту по-новому. Значение имеет мера, меняется мера, кем я был до и кем я стал после?» – Варшавский взял второй кусок сыра, он слабо помнил, что с ними было.

– Коньяк крепкий, ты накапал в него, что ли... не молчи, мне понравилось.

Леониду очень хотелось поцеловать эту милую русскую добрую женщину в губы, целовать долго и нежно в знак признательности, благодарности и восхищения. Добрая женщина

смотрела в пол, понимая, что он хочет ещё любви и счастья и оттого разглядывает её босые ноги с накрашенными розовым перламутром ногтями.

– Я мультики видела, цветные, красивые, а ты что-нибудь видел? – Катя подняла глаза. Выражение на лице Варшавского изменилось, оно стало странным, отсутствующим. Глаза развернулись вовнутрь, спиной к людям. Леонид Гарьевич жевал сыр так, будто уже ушёл, хотя и находился ещё в квартире. Профессора охватила невидимая дрожь, вибрация непонятной природы. Он начинал терять ощущение присутствия, физического контакта с вещами.

Катя подошла к нему, положила голову на плечо, нежно обняла. Её сотовый начал вибрировать на столе, затем из смартфона возникла турецкая мелодия.

– Странный ты, но очень, очень хороший, не волнуйся, всё хорошо, отлично, – сказала Катя. Она медленно подошла к столу, взяла гаджет и начался разговор с Селимом про мясо, понедельник и предстоящий ужин. Леонид жестами и на пальцах показал, что у него нет времени, поэтому он уходит, что хочет, любит и сердце оставляет у её ног. Катя говорила по телефону, улыбалась и кивала головой.

V

Варшавский уходил от Кати, чувствуя особенное состояние. Он ощутил это ещё в поликлинике, когда услышал музыку из кофейного автомата и понял, что сегодня накатит. Профессор не страдал эпилепсией, его не посещали озарения и страхи, всё было проще. Давно, во время занятий штангой, Лёня травмировал голову, об этом он никому не рассказывал, но из спорта ушёл, позже появились накаты, так он думал.

Жил Леонид Гарьевич на последнем, четвёртом, этаже в трёхкомнатной квартире с женой, Ириной Игоревной. Сын Евгений кувырчался на отдельной жилплощади. Вдвоём Варшавским места хватало. У жены своя комната и него своя. В большой пылилась библиотека и чернел телевизор. Когда Ирина стала постепенно отказывать Лёне в близости, он не настаивал на продолжении. Когда из дома ушёл сын, ритуал исполнения супружеских обязанностей в семье прекратился, жизнь стала спокойнее, ровнее. Они спали раздельно, но заботились друг о друге, вели совместное хозяйство и разговаривали за столом: она про школу, он про институт.

Леонид повесил дублёнку в шкаф, убрал шапку, сапоги, механически переоделся в домашний спортивный костюм, достал большой лист бумаги и выложил его на письменный стол. Он уже начинал плохо соображать, возникли звуковые галлюцинации, кроме «бум, бум», появились ещё «шаги по комнате». Он слышал шаги босых ног и невнятные голоса. Накатило крепко, надо было спешить, но взяться за дело профессор не мог, кофе у Кати отведать не успел, в этом была проблема.

Варшавский прошёл на кухню и поставил на огонь турку с водой. Кислую арабику он не пил, предпочитал горькую робусту, благо её Варшавскому дарили в институте. Леонид засыпал три ложки Лаваццы, три ложки сахара, добавил четвёртую, посолил, добавил острый перец, размешал, это был ритуал. Отказаться от рабусты, которую пил с детства с мамой, у которой было пониженное давление и всегда болела голова, – он не мог.

Скромные книги отца Леонид хранил на видном месте. Самым известным изданием Гария Львовича был сборник детских стихов «Песни Катюши» в редакции Г.Л. Варшавского, это были стихи о войне, присланные детьми в «Пионерскую правду». Леониду нравилась его книга «Легенды Урала». Она была без картинок, напечатана для взрослых, мелким шрифтом, там были собраны сказки и легенды уральских племён и народностей, были казачьи сказки и русские про Петра Первого и Екатерину Великую. У него на полке хранился экземпляр книги, украденный из Первоуральской библиотеки, потому что авторские экземпляры «Легенд» растащили друзья и знакомые отца и потом ещё – его товарищи и родственники Ирины.

Участвуя год за годом в жизни отца и его бедных собутыльников с редкими и необычными именами – Авинир, Леонард, Левиан, Вениамин, – Лёня невольно проникся к ним сочувствием и безоговорочным уважением. Сам он не стремился к литературной работе, однако, после смерти родителя, что-то в нём изменилось. Во время болезненных припадков Леонид обнаружил способность сочинения текстов в бессознательном состоянии. Себя во время припадка он не помнил, но, судя по следам, ничего особенного не происходило. Он не падал и не ломал вещи, видимо, действовал автопилот. Исписанный листок был единственным свидетелем его путешествия в астрал. Эти листки содержали закорючки, буквы, слова, полужелания, иногда цифры. Текст на первый взгляд казался бредовым, грязным по смыслу и лексике и, главное, непонятным.

Когда накопилось несколько таких «произведений», Варшавский начал их исследовать с научной тщательностью. Он представлял себе, что каждый лист – это исторический документ, руина зашифрованного текста. Оказалось, значение имеет расположение слов и знаков. Руина не текст, а карта, путеводитель. Нельзя перетаскивать и менять местами слова. Когда он понял это, лёд тронулся! Леонид рисовал цепочки, нумеровал буквы, дописывал слова, заполнял про-

белы. В первых фразах искал связи и скрытые намёки. Закорючки переводил в эмоциональные глаголы, образующие ритм текста. Работа его настолько увлекала, что из одного листа у него разрастался художественный текст с интригой, сюжетом и персонажами. Все слова, буквы, закорючки, мотивы, взятые из тёмной рукописи, для себя он метил красным цветом.

Первые рассказы получились разными по темам и сюжетам, как бы из разных книг. Потом случился трудный момент. Леонид тщательно перлюстрировал собственное подсознание, вспомнил отца, его слова, истории. Удивительно, но маму он помнил плохо, она не имела дара собственной речи и сколь-нибудь сильной воли. В итоге какой-либо связи с родственниками в рассказах он не нашёл. Потом выяснил, что его тексты не походили на то, что он читал, они были оригинальными, в определённой мере авторскими.

Тогда в журнале «Опорный край» у него состоялся разговор с редактором, похожим на лесного колдуна, который помнил всех и его отца тоже.

– Это неизданные рассказы отца? – спросил редактор.

– Мои, свои, не знаю, не знаю, что с ними делать?

– А ты проверь, брось их в печку. Сгорят, ну и забудь, а если не сгорят, неси сюда, – редактор засмеялся собственной шутке.

– Мне надо разобраться, что у меня получилось?

– Сам писал и не понимаешь про что? Обычное дело, сейчас все так делают, лишь бы было не ясно, о чём это написано и зачем. Шифруются.

– Да, похоже, пишу и сам себя не понимаю, – «меня кто-то ведёт» хотел продолжить фразу Варшавский, но вовремя сдержался.

– Вы кружева плетёте, молодой человек, красиво, складно петляете, а за кружевом – страх. Вот болото, например, цветёт, красота, травы в рост, ягоды, а ступишь на него и пропал. В рассказах нет вашего интереса, поэтому и смысл мутный, тёмный, – старый колдун понизил голос и шёпотом продолжил. – Вы их в стихи переделайте, для стихов смысла, идей не надо, главное, бу-бу, ля-ля, бу-бу, ля-ля, просодия! – Редактор опять рассмеялся своей шутке.

– Я хотел напомнить об отце, сверху написать бы «Гарию Варшавскому, отцу и учителю посвящаю».

– Да-а, Гарий был душевным человеком. Его уважали, но для начала так писать не надо.

– А что не так?

– Надо свою репутацию заработать и потом уже благодарить «от лица известного автора», чтобы приятно было получателю. И писать надо для журнала и в последнюю очередь для себя. Читайте, изучайте наши номера. У нас существует тематический план. Для публикации необходима мотивация, актуальный крючок. Вот есть идея: ваш «Антифриз» переименуем в «Петрушку»? Там же главный герой Пётр, Петрушка, чалдон и немного дурак, правильно. В эпизоде театр «Галатею» меняем на балет «Петрушка» Стравинского. В конце рассказа что-нибудь про «весну священную» надо дописать, как всё цветёт и тонет, и тогда мы дадим рассказ в номер к юбилею Стравинского. Напишем «Великому русскому композитору Игорю Стравинскому посвящается, рассказ Леонида Варшавского „Петрушка“». Вот это крюк, а юбилейную статью Ерёмина снимем.

Так для родственников и коллег по работе Леонид стал писателем. Их мнение его не интересовало, потому что он не считал себя приметной фигурой в публичной литературе. «Забавно», «неожиданно», «странно» – в три эпитета умещалось всё его творчество. Последнее слово казалось ему обидным, потому что ничего «странного» он не писал. Например, в рассказе «Антифриз» Пётр влюбился в актрису, сделал ей предложение, посадил в свою машину, и они поехали за благословением к её родителям в тундру. Попали в пургу, сбились с пути, машина заглохла, и молодожёны замёрзли. В истории «Олма» одинокая узбечка работала в дельфинарии уборщицей, и никому она не рассказывала, что был у неё муж и мальчик, кото-

рый погиб. Дельфины знали её тайну и жалели, когда она плакала. Потом приехал муж, и его убил охранник дельфинария. Ничего странного.

VI

Обычно Варшавский работал, как все, на компьютере: писал планы, отчёты, статьи – в последнее время чаще тезисы докладов для публикации в сборниках, которые читал потом на сайтах. Рассказы тоже в итоге приходилось набирать на компьютере, потому что рукописи уже нигде не принимали. Но Леониду нравились гелиевые ручки, которые легко скользили по бумаге, не требовали нажима и оставляли яркий след. Свои рассказы он писал руками. Рукопись разрасталась слоями, как ботанический организм, имела множество вставок и сносок, побегов и отростков. В личном архиве профессиональный историк хранил нумерованные папки с черновиками и вёл журнал учёта.

Свой стиль Леонид Гарьевич определил и сам крепко уверился в том, что он пишет «женский бред», что в темноте рукою его водит Она. И он не может не писать, потому что любит безмянную женщину, не может с ней расстаться и с нетерпением ожидает нечаянной встречи с немыслимой незнакомкой. Все имена и названия не годились для неё, потому что означали сущности, явления бытия, и не было таких слов, которыми можно было бы описать то, что не существует, но так волнует его.

Черновики были единственным свидетельством и доказательством их связи. Он не знал, что происходило во время его исчезновения из жизни, был даже не уверен, что писал самостоятельно. Однажды ему приснился сон, будто он видит, как на листе сами собой появляются написанные «его рукой» буквы и слова. В другой раз он видел сон, как Ирина рвала листок волшебной рукописи на мелкие клочки, на одном из которых мелькнуло слово «глядел» или «гадил», хотя это был уже не сон, а старое воспоминание. После того случая он перенёс свои рукописи на работу.

Варшавский включил лампочки на ёлке, поставил кружку с горячей душистой робустой на отцовский письменный стол. На зелёной столешнице слева стояла лампа с чёрным чугунным каслинского литья корпусом и жёлтым плафоном. Под лампой в рамке – фото отца с этой же лампой. В этой же рамке хранилась маленькая историческая карточка Ворошилова и Постышева. Под правой рукой Леонида лежал закрытый ноутбук. Варшавский сел к столу, выпрямил широкую спину и начал методично штриховать угол листа. Линии ложились ровно, одна к одной. Он видел себя уже как бы со стороны, будто за спиной у него стоял некто и видел лысеющее темя, волосатое ухо, размашистые плечи и спину в жёлтом худи с буквами, в смысл которых он не вникал.

Личность профессора на момент раздвоилась: один сидел за столом, другой наблюдал за ним. В ожидании оба пребывали недолго. Женские большие ладони ласково легли на лицо того, что стоял за спиной. Он попытался вывернуться, и тогда она крепко сжала его виски. Варшавский утратил внутреннее зрение, потерял видимость самого себя. К темноте прибавилась тишина, исчезли звуки, музыка, голоса за стеной, шаги босых ног и последнее – запах кофе. Он оказался в тесной комнате, плотно забитой лицами, настоящими, цветными лицами незнакомых ему других людей, непонятных мужчин и таинственных женщин с одинаковым выражением пустоты в глазах. Так обычно выглядят люди на паспортах и удостоверениях. «Картотека, это архив», – понял он, и сердце успокоилось.

VII

Ещё на площадке Ирина Игоревна почувствовала резкий запах кофе, открыла дверь ключом, вошла, запах усилился.

– Лёня, Лёня, Леонид! – закричала она и тут же осеклась, в квартире было тихо. Не раздеваясь, она прошла на кухню и выключила газ под туркой с выгоревшим осадком. Скинула пальто, шапку. Дверь в комнату Лёни была открыта... На диване полулежала большая совершенно голая женщина, она не умещалась на диване и одна нога её касалась пола, ногти были некрашенные, волосы длинные и кудрявые, лобок не бритый, не стриженный, густой.

Ирина Игоревна не испугалась, она просто сама себе не поверила, потому что одновременно видела Леонида, который сидел в кресле, уперев голову в стол. Ирина подошла к нему, вытащила из-под руки исписанный и немного намоченный слюнями лист, сложила его и сунула в карман. Потом из пачки бумаги достала чистый лист и положила на место рукописного. То, что Лёня умер, Ирина поняла сразу, как только его увидела. Двигаясь, она старалась не задевать лежащую на диване женщину. В полглаза видно было, что она живая. Женщина глядела в пол, глаза не поднимала, ресницы казались накладными, потому что они были ненормально длинными и очень густыми. Рот, губы двигались, она дышала, и груди дышали, круглые красивые груди не рожавшей женщины с вишнёвыми спелыми сосками, ниже – плоский живот, широкие бедра и длинные ноги, которых никогда не касалась земля.

Вдова уже ничего не думала о Леониде и его галлюцинациях. Муж отвалился от неё давно, и вот сейчас здесь лёг на стол и обозначил проблему? Балласт отвалился, и пустота рванула в небо. «Бим-бом, бим-бом», – услышала она голос Леонида. «Бим и Бом, артисты смеха», – его фраза крутилась в голове Ирины Игоревны, пока она запирала дверь квартиры. Так он говорил, когда парами, по два человека вызывал студентов к доске, и они, перебивая друг друга, путая слова и цифры, отвечали на вопросы.

В подъезде на площадке Ирина развернула лист. Мелкие, плотные рукописные слова налезали друг на друга и тормозили взгляд. «Пых», «пых», это слово повторялось. «Бред, грязный бред, козёл нерусский!» – выругалась она, и тоска серой плитой легла на слабую, бесчувственную грудь. Варшавская спустилась на третий этаж, дверь у Кати Жировой была открыта.

– Катя, Катя, у тебя дверь открыта, – позвала хозяйку Ирина Игоревна.

– Да я, да-да, я здесь, Вовка опять дверь не закрыл, заходите, если вы замёрзли, у меня и выпить есть, – весело добавила Катя.

Ирина Игоревна прошла в столовую.

– У меня, у меня и Пушкин есть, который Багратион. Я кофе согреть могу. – Катя разлила коньяк по фужерам и протянула руку, чтобы – динь-динь. Ирина Игоревна подняла фужер, чокаться не стала.

– Давай без динь-динь. Леонид Гарьевич умер.

– Как так, он же здесь вот на вашем месте был, коньяк принёс, замёрз, и мы с ним выпивали. – Катя искренне возмутилась, глаза её сверкали гневом, она поставила фужер на стол.

– Умер, умер, Катя, ты пей, «Пушкин» его любимый коньяк, – Варшавская показала пальцем вверх, то ли на труп, то ли на Бога. – Можно я у тебя посижу, не могу я там.

– Надо, надо нам проверить... вместе сходим. Надо посмотреть, а вдруг он живой? Я покойников не боюсь, у меня фонендоскоп есть. – Катя полезла в полку, достала прибор. Наверху, в квартире Варшавских, что-то упало. – Вот, надо идти, он ходит и падает! – Катя с фонендоскопом на шее и в медицинском костюме выглядела убедительно.

– Не надо. Лёня, я посмотрела, умер, по-настоящему умер. Давай лучше ещё выпьем, осталось.

Катя разлила остатки коньяка по фужерам.

– Ну и чего теперь будет с Леонидом Гарьевичем? – На голубые глаза уже навернулись слёзы, и нос покраснел.

– Я Жене позвоню, Женя придет и всё сделает, Женя отца любит.

– Как же это он вдруг... застрелился, что ли? – понизив голос, спросила Катя, в её словах было столько искренности и простодушия, что Варшавская улыбнулась.

– Слава Богу, у нас оружия в доме нет. Я пришла, а он за столом голову вот так положил и будто спит, это сердце или тромб. Сейчас я Жене позвоню, только телефон.

Ирина Игоревна вышла в прихожую, достала смартфон, выбрала опцию «Женя».

– Женя, что делаешь?

– В смысле как что, я на работе.

– Парни у тебя там есть, Артём, Максим, Ринатик?

– Зачем они тебе, Артём есть.

– Ты сейчас очень занят?

– Да, графики составляю, на завтра большой груз на север готовим.

– Значит, ты сидишь, графики составляешь, а приезжай сейчас к нам, приезжай срочно, я в квартире у Кати Жировой сижу. Женя, папа умер, дома умер, я жду тебя, – поторопилась закончить разговор Ирина Игоревна и отключила смартфон. – Сейчас он придет... Можно, я у тебя посижу, не хочу туда. – Она вздохнула, подняла глаза вверх и навела разговор на длинную тему: – Ты расписалась с турком? Или у Селима в Турции жена есть?

– Если свадьба, только здесь, вон, в Кировском загсе. Я так ему сказала: «По нашим законам будем расписываться, потому что Вовка». Он... жены нет, детей нет у него, он же криф, турок греческого происхождения, в этом проблема. Турчанки его не хотят, здесь он Хараламиди, а там он Хараламбоглу, турок. Вот и решил на русской жениться, чтобы не тем и не этим и к православным примкнуть. Он мне предлагал в церкви венчаться, а я ему: Хараламбоглу, ты же обрезанный, а он, ничего, говорит, креститься не мешает.

Ирина улыбнулась. Катя слезу смахнула, грудь подняла и повертелась перед Ириной Игоревной.

– Ой, дура, дура была, что за Жирова вышла, разве можно с такой фамилией жить, смотрите, где, что?! У меня нету, а меня все Жирова сюда, Жирова туда, и Вовку «жирным» дразнят, а он – былинка моя ясноглазая...

– Катя, а Женя мой к тебе не приставал?

– А-а, кто я для него, ему умную, красивую, образованную надо, а я так, разведёнка, женщина слабая, ещё вот с турком сошлась.

– Видели мы всяких, красивых и образованных, да толку? Рожать они не хотят. Лёня внуков так и не дождался, умер.

– Я бы родила, а чего, ещё и деньги дают, только от турка не хочу.

– Правильно говоришь, ты бы к Жене пригляделась, пожалела его, тут похороны, поминки будут, а ты помогай, то да сё, опыт у тебя есть, будь смелее. Твой Вовка мне нравится, хороший мальчик, приветливый, улыбочивый.

– Ну и умны же вы, Ирина Игоревна, а я ещё ничего, не старая? – Катя сделала серьёзное лицо и уставилась на себя в зеркало. – Екатерина Варшавская, звучит красиво, даже громко как-то.

– Женщины не умом сильны, а хитростью. Леонид газ у тебя на плите задувал?

– Да, у него на раз получается, а мне смешно это было, у меня от смеха не вышло.

– Ну, не вышло и, слава богу, правильно. Я ему много раз говорила, не дуй на огонь, примета плохая.

VIII

Катя разливала кофе, когда раздался дверной звонок. Ирина Игоревна вздрогнула: «Для Жени рано. Неужели Лёня очнулся?»

– Это Леонид Гарьевич. Я же говорила, что он ходит и падает, – уверенно заявила Катя и вышла в прихожую.

– Леонид Гарьевич! – радостно приветствовала она гостя, машинально открывая дверь, закрыть которую у неё уже не было силы. Сначала она увидела огромные груди, живот женщины и щётку чёрных волос на лобке. Женщина пригнулась и прошла в дверь, высотой голая была под потолок. Катя рядом почувствовала себя маленькой испуганной девочкой.

– Она здесь? – спросила высокая женщина дружелюбным нормальным голосом. Кате он показался очень знакомым. Она включила свет и ответила не сразу, только когда поняла, кто ей нужен, кивнула в смысле «да». Женщина вошла в большую комнату. Ирина Игоревна сразу догадалась, что голая пришла за листком, который она забрала со стола Леонида. Ирина не волновалась, она ничего не чувствовала, руки не дрожали, она была спокойна, она понимала, что ничего не чувствует, это было обидно, не было сил на ответ, на отпор сопернице.

– Отдай, – сказала женщина и протянула руку. Ирина Игоревна достала листок, сложила его ещё пополам и протянула женщине.

Голая взяла листок, прошла мимо Кати и унесла свой удивительный неземной запах в подъезд. Катя закрыла дверь на все замки, любопытство распирало её, делало выше и значительнее, она спросила Ирину Игоревну:

– Это Жени знакомая?

– Какая знакомая, ты о чём.

– Голая, она взяла листок у вас.

– Не было здесь никого. Тебе показалось.

– Ну как не было, я запах почувствовала и остолбенела, она вошла, так, так... я свет включила, видите, свет горит.

– Это коньяк такой, от «Пушкина» бывает, свет включаешь, а потом не помнишь, отшибает, со мной тоже так было.

– Наверное, точно. – Катя задумалась. – Я вспомнила, у неё голосок, похожий, как у Анны Герман, которая умерла.

– Это у тебя в голове голос Герман, здесь, тук-тук, галлюцинация. Люди в горячке ещё не такое видят. Отец Лёни от шпионов прятался, кричал: «Нихт, ништ!» – и мышей ловил.

Катя была сбита с толку, растеряна, она прошла на кухню, убрала рюмки, бутылку, ей хотелось верить, что всё тук-тук и обман.

– Я себе в чашку ещё коньяк бухнула, так не пить, что ли? – робко спросила Катя.

– Кофе пей, помогает, и я с тобой, давай чашками поменяемся, мне с коньяком. – Катя слышала голос Ирины Игоревны, и ей казалось, что она всё понимает и не понимает ничего, единственное слово, которое крутилось в её голове, это: «Женя, Женя, Женя».

Раздался звонок. Катя вздрогнула, встала. Ирина Игоревна молчала. Вдвоём они вышли в прихожую.

– Вовка, это ты? – спросила Катя.

– Нет, это я, Женя, Евгений Леонидович, мать здесь?

– Я здесь, Женя, сейчас, – ответила Ирина Игоревна.

Катя оробела от громкого голоса Евгения и долго возилась с новыми замками. Когда дверь открылась, на пороге Катя увидела капитана полиции, грозного и безумного Евгения и за его спиной кошмар и ужас, которого, по мнению Ирины Игоревны, не было.

– Что у вас происходит? В подъезде на меня напала голая женщина, прижала к стене и стала целовать, чуть не задушила. – Глаза его были вытаращены, свободной рукой, рукавом он тёр свои губы, затем поднял вторую руку, к которой наручниками была пристёгнута рука большой голой женщины. – Я задержал её.

Катя хотела было начать рассказывать, но Ирина Игоревна остановила её жестом и сказала:

– Пошли к отцу, а то он остынет.

IX

В квартире Варшавских стоял крепкий запах горелого кофе.

– Турку сожгли? – спросил Евгений.

Он отстегнул наручники и освободил пленницу.

– Отец робусту свою варил и забыл газ выключить. – Ирина Игоревна стояла на пороге комнаты.

Тело Варшавского лежало на полу возле стола.

– Он сидел за столом, а потом, бух, упал. Мы слышали, как он упал, – вступила в разговор Катя.

Евгений достал айфон и сделал несколько снимков тела отца и поверхности стола – для протокола.

– А вы что нам скажете? – спросил Евгений голую женщину, целиком она не умещалась у него в глазах.

– Надо постелить плёнку, потом простынь, переложить тело с пола на диван, затем раздеть и связать, пока не окоченел.

Ирина Игоревна и Катя занялись диваном, а Евгений поднял отца на руки.

– Тяжёлый. Какой тяжёлый человек, – невольно вырвалось у него.

– Давайте поддержку, мне не трудно, – сказала женщина и забрала тело отца у изумлённого Евгения.

На её руках Леонид выглядел ребёнком в жёлтом худи.

– А вы, собственно, кто и почему здесь присутствуете? – капитан достал айфон и сделал несколько снимков, посмотрел, женщины на экране монитора не было. Был отец, скрюченное тело висело в воздухе.

– Удалите это безобразие! Я не в прятки играю, меня нет, я не существую. – На глаза голой навернулись слёзы.

Евгений взял у неё отца и положил тело на бурую, опалённую языками солнечного пламени простынь. В этот момент ему показалось, что он знал её раньше, может быть, видел. Незнакомка смотрела в пол, веки прикрывали крупные, сообразные росту и размеру головы глаза. Бумажного тона кожа не имела следов загара или нижнего белья. Евгений профессиональным взглядом криминалиста оценил тело в целом. Пупок и прочая анатомия – без индивидуальных особенностей. Ниже голени следователь различил тонкие вены без признаков цвета. На ногтях, на руках и ногах – розовый перламутр, возможно, бесцветный лак. Возраст женщины – от восемнадцати до тридцати. Комплекция в норме, сходства с другими – никакого.

– Не трогай её, умрёшь, это – смерть! – прошептала Катя и, по-мексикански полоснув себя по горлу, выкатила на Женю страшные глаза. В этот момент он по-детски прерывисто вздохнул и замер в озарении: «Да, музей! Да, мраморная – из музея. Да, там нельзя руками трогать. Они все – тихое совершенство, все на одно лицо». Он поднял руку, губы незнакомки открылись и в набухшей запахом сгоревшей робусты тишине прозвучали знакомые слова:

– «Душа имеет начало и конец, а пространство бесконечно, в этом есть смысл». – Интонация была совершенно его, отцовская, но голос женский, совершенно ангельский. – Он был забавным, удивительным. В меру фантазии создал меня, и в итоге я стала такой вот, что вы видите. Мне не стыдно, не больно и не страшно. Нет у меня привычки и навыка умирать. Я не знаю, что происходит, когда умирает душа. Думаю, слышит лампочка щелчок выключателя или уже нет, не знаю, не разбираюсь в законах физики, но хотела бы проститься с вами, знакомыми и близкими мне людьми!

Голая обняла Ирину Игоревну. Евгения обнимала так долго, что Кате сделалось больно. Но когда голая оторвала её тело от пола, то она испугалась, а потом сразу стало весело и щёкотно внутри, как в падающем лифте.

В глазах лежащего на диване профессора отражался утративший всякий смысл потолок. Ирина Игоревна опустила веки на глаза, разгладила морщины на коже и укорила мужа словами:

– Всё хорохорился, строил из себя, а получилось не бог весть что.

– Ты сказала... Мама, ты сказала что-то? – спросил Евгений.

– Так, сама с собой. Скучно ему без нас.

Минутные увлечения мужа не волновали Ирину Игоревну. Она их называла тренингами, типа, люди выходят в море и возвращаются, покоряют ледяные вершины и возвращаются. «Пер Гюнт не мой герой. Я не мечтаю о короне императора в сумасшедшем доме», – говорил Лёня Ирине, и она верила мужу. Её более беспокоила дурная наследственность, и теперь она волновалась за сына.

Евгений подошёл к столу, взял чашку и залпом выпил остывший кофе, перевернул чистый лист, показал его Кате:

– Так ничего не написал и кофе даже не выпил?

– Да. – Катя заплакала, ей так жалко стало Леонида Гарьевича, что она прижалась к Жене, и капитан её обнял. Внимание со стороны Евгения возбудило Катю, и она решилась на дерзкое заявление в отношении голы: – Зачем ты взяла у Ирины посмертную записку? Верни её капитану немедленно! Да, я свидетель, в моей квартире она взяла у мамы лист. Бесстыжая воровка!

– Листок на месте. Я положила рукопись на стол. – Голая опустила глаза и крупная настоящая слеза капнула на грудь.

Евгений поставил чашку на стол и взял на треть исписанный плотными каракулями лист. Ничего подобного ранее он не видел. Строки налезали одна на другую и упирались в край бумаги, – на листе упражнялся слепой! Почерк отца с отдельными буквами Евгений знал, в школе пытался подражать, но на листе читалась иная рука. Он посмотрел на мать, и она утвердительным жестом разрешила его сомнения: листок подлинный, настоящий автограф.

Мелкие неразборчивые каракули совершенно не соответствовали представлению Евгения о рукописях Пушкина и других писателей?! Литературу отца они с мамой считали пустым занятием. Другое дело дед, у деда была должность, книги и компания литераторов. Гарий Львович деньги зарабатывал! А у отца не было изданных книг и писательского значка, так, публикации в журналах. Мама говорила, что таким образом он утешает страдающее самолюбие, говорила: «В качестве историка папа не состоялся, полный нуль. Ну и большой беды в этом нет. В молодости я верила в его бобрик и блестящее академическое будущее. Ну и что?»

Леонид Гарьевич не принуждал Женю к чтению своих произведений, не интересовался его любовницами и не вникал в чувства. В личное пространство сына не вторгался, ну и Женя проявлял взаимную деликатность, не интересовался романчиками отца и ничего из его произведений не читал.

– И-и, это рукопись! – изумился Евгений. – Вижу: «пых», «пых», «пых»?

– Это имя, поэтому оно повторяется, – пояснила голая.

– Ты можешь это прочитать?

– Да, могу пересказать. Бумага, слова и знаки – они необходимы для обмана и гипноза. Вещь лежит глубже, за словами, в глубине пробелов и звучит в паузах. В паузах человек начинает размышлять: почему написано так и не иначе, обостряются слух, обоняние, просыпается совесть и сознание начинает продуцировать смыслы. Значение имеет интонация и дыхание. Книжки надо читать вслух, только вслух...

– Ну, тогда смотри и читай вслух: что здесь между строк? – уловка Евгению удалась. Голая посмотрела на листок, и капитан поймал её взгляд.

Как он и думал: глаза – синие. Это у блондинок бывают голубые глаза, а у брюнеток – густые синие должны быть, так он думал. Но поразило другое: необычное выражение во взгляде, – взгляд отцовский, обиженный. Леонид Гарьевич никогда не ругал сына. В момент его непристойного поведения отец терялся, обижался и делался меньше ростом. Укор с его стороны бывал столь силён, что жажда раскаяния у Жени упреждала осознание проступка. Отец говорил: «У человека мало союзников. Интеллект лукав, сердце лживо. Наша опора – позвоночник».

Евгений выпрямился, спинным мозгом он почувствовал, что виновен в смерти отца и отпущения грехов более не будет никогда. Что упустил, когда и где – уже не важно. Папа умер, и никто другой заменить его не может. «Теперь, Женя, ты сам себе и дурак, и начальник!» – такой приговор прочитал капитан в глазах незнакомки.

– Женя, надо свидетельство о смерти оформлять и похороны. Ты думал об этом? В институт и знакомым я сообщу, – напомнила о себе Ирина Игоревна.

– Ничего я не думал. Успеется! – громко и уверенно отозвался Евгений. – Надо узнать сначала, что на листе написано?

– Здесь новый рассказ. Это не записка. Не думайте, самоубийства не было. Я уверена, – сообщила Голая.

– Как называется? – спросил Евгений.

– Не знаю. Для произведения значение имеет первая фраза, зачин. Здесь написано: «С ним так всегда. Вокруг него всё падало и рушилось. Он с усилием втаскивал длинную узкую фигуру в стремительный поток вещей и людей».

– Кто «он», ничего не понятно? – спросила Катя.

– Если пишут «он» без имени, значит, речь идет о боге. Если – «она», то о богородице. – Голая продолжила чтение романчика.

Х

...Ходкий по лестницам и жадный до работы экспедитор постоянно опаздывал. Жизнь в дедлайне у Фёдора превратилась в норму и всё потому, что по жизни был – тормоз и плавную мысль разгонял движениями рук и ног. Он даже говорить нормально не мог, строчил короткими очередями через долгие паузы. Ещё на лесенке кондитерской бегом через ступеньку Фёдор оторвался от Жанны. На прямой, с негабаритом на руках включил полную, девушка его хорошо понимала и цепко трусила следом.

Фёдор и Жанна работали и на Озоне, и в Яндексe разом. Жанна была в основном диспетчером и висела в сети, а Федя ловко и неумолимо двигался по улицам и этажам. Жили они за четвёртым кольцом, в пригороде, но больше времени проводили на дороге в машине. Жанна влюбилась в него сразу, когда увидела парня с длинными руками в машине и себя рядом с ним на мониторе своего айфона. Ей нравился просторный салон, в котором она передвигалась, как хотела, и на длительных переходах могла спать в ямке между креслами.

Работали они в режиме метро, от первой и до последней электрички. После обеда Федя мог выпить пару банок пива, и тогда за руль садилась Жанна, наступала её, вторая смена. «Вторая смена, вторая смена», – дразнил девушку Федя, но она не обижалась. Жанна знала, что до неё у него была другая «вторая смена», которая променяла его «логан» на старый BMW. Однажды он показал машину на дороге, посигналил, и девка за рулём BMW повернулась. «Старая», – подумала тогда про неё Жанна.

По дороге к машине, которую они оставили за квартал от кулинарии, Федя дурачился и кричал: «Би-бип, би-бип, би-бип». На вытянутых, жилистых руках он держал широкий нержавеющий поднос, на котором в мягких августовских сумерках светился белый свадебный торт. Две розы, кровавая и приторно шоколадная, украшали макушку айсберга. Шоколадная роза возбуждала у мужчин игривые мысли в отношении невесты. Женщины улыбались, у них возникали иные фантазии, но общее, мимолётное в полглаза мнение состояло в том, что бегущую по тротуару Жанну люди не воспринимали в качестве невесты.

«Куда бежит, куда бежит, идиот, ключ-то у меня. Ключ у меня!» – хотелось крикнуть, но Жанна понимала – это напрасно, остановить это жилистое подвижное насекомое невозможно. «Горбатого могила исправит», – подумала она и в ту же секунду услышала голос Фёдора:

– Убивать легко, понимаешь, трудно первый раз, а потом, раз, раз, это как в сексе, вставил, хорошо вставил и пошло, поехало... – громко, так чтобы она могла услышать, бросил, слова на ветер едкий на дорогу Фёдор и провалился в паузу.

На проспекте кипела пятница, конец рабочей недели, разговаривать на ходу и в спину было сложно.

– Нет, ты это скажи, Джима ты завалил? Он ко мне, понимаешь, клеился, предлагал, но я свинтила с Лёхой... – Жанна говорила громко в темп ему и не понимала: доходят слова или тонут в потоке машин?

Развернуться в её сторону Фёдор не мог, слова не разобрал и продолжил своё:

– Работа, значит, это работа... Ничего трудного. Убивать просто, это деньги. Пришёл, раз, раз и сделал...

В этот момент он внезапно вышел на проезжую часть и рванул к своему «логану» напрямки. Жанна остановилась, она не решилась следом выйти на дорогу, на которой машин не было, а за белой полосой левый ряд еле двигался. Федя показал торт водителю фургона, машина остановилась. Он улыбнулся в знак благодарности и рванул к тротуару... Идущую в обход по правому ряду машину Фёдор не заметил.

Удар её настиг, когда она двигалась к переходу. Жанна обернулась и увидела летящее над крышами авто тело. Фёдор упал на встречную полосу. Водитель пытался уйти от столкновения, тормозил, но тело всё же попало ему под колёса.

Любопытных набежало много. Фёдор не двигался и не стонал. Жанна сделала несколько снимков. Поднос лежал рядом, видно, Фёдор крепко держался за него, пока летел с полосы на полосу. Жанна взяла поднос и пошла обратно в кулинарию. «Работа, значит, это работа...» – крутилась в голове последняя фраза Фёдора. Дела начинали опережать слова. Голова она на то и голова, чтобы есть, а не говорить. За полтора года совместной жизни она научилась у Феди шевелить ногами и думать руками. В кулинарии Жанна показала фотографии кондитерского изделия, погибшего Фёдора и предъявила поднос.

– Ну и что ты от меня хочешь? Косяк его. За доставку мы не отвечаем, – сказала заведующая.

– Нужен новый такой же торт. Я заплачу, понимаете, за мой счёт, могу наличными.

– Мы работаем под заказ, такого нет.

– У людей свадьба. Я не могу сказать им, что сладкого не будет, потому что человек погиб. – Жанна прочитала на халате имя заведующей «Вера Тышлер». – Невесту Верой зовут, как и вас. Представляете, что с ней будет, если я торт не привезу?

– Парень, высокий, он тебе муж?

– Да, муж, гражданский. Мы вместе работаем... работали, – поправилась Жанна.

Ресторан «Алеппо» имел один зал и был полностью арендован под свадьбу. Жанна сдала торт на кухню. Её интересовала невеста! Ради кого она влетела на деньги? Почему Федя погиб на этом заказе? Вопросов было много, но думала она ногами и шла на голос музыки, не помышляя ни о чём. Жанна скромно, с краю пристроилась к плотной группе танцующих гостей. «Бум-бум-бум, тыч, тыч», – гремели колонки. Под потолком крутился зеркальный шар, осыпая зал лазерными лучами. Невеста танцевала скромно, притопывала, полные щёчки её дрожали, руки двигались плавно. Невеста Жанне понравилась, и она стала подражать её движениям. «Наверное, беременная», – решила Жанна и прониклась к невесте добрым сочувствием.

Жанну окружали незнакомые высокие люди, женщины все ростом, как мужчины, и выше. Кроссовки беспокоили Жанну, но она быстро забыла о них, откинула чёлку и расслабилась. В перерыве между танцами она заметила интересный взгляд. Мужчина пригласил её на танец, и она выяснила, что это двоюродный брат невесты. Зовут его Толик, работает на рейсовом автобусе номер 98, всех знает, и его все знают и вот нашёл новое лицо? Жанна не стала лукавить и назвала своё настоящее имя – Божена, которое не любила за то, что его никто не понимал.

– Жена, чья жена? – переспросил Толик.

– Божена! – повторила Жанна, попросила нагнуться и объяснила: – Бо-же-на, славянское имя, значит, «божья».

– Божья жена, монашка, что ли? – не понял или пошутил Толик.

– Я свободная, свободная. – Жанна чувствовала, что говорить надо правду, что она одинокая, сбита с толку девушка.

– Я тоже свободный. Вот не веришь, ни разу не женатый, – гордо заявил Толик. – У тебя какое-нибудь простое погоняло для своих есть?

Жанна посмотрела на него снизу вверх, резким выдохом сдула чёлку со лба и сказала:

– Пых-Пых.

Это погоняло придумал Фёдор. У Жанны была привычка сдувать чёлку со лба, и Федя сочинил прозвище. Когда ему надо было, он говорил: «Давай пых-пых, по-быстрому». Обычно это случалось в машине или где угодно, едино только, что по-быстрому, иначе Федя не умел.

– Вот это по-нашему, Пых-Пых, годится, – обрадовался Толик. – Ты за каким столиком?

– Мне нельзя, я на работе. В доставке работаю. Невесту как зовут?

– Любовь, Люба.

- Редкое имя, у меня ни одной знакомой Любы.
- Так я вас познакомлю, – предложил Толик.
- Не надо, у вас праздник, а я в кроссовках, по-рабочему.

Жанна оставила Толика в зале, из дверей помахала ему ручкой и села в машину. Толик ей понравился: высокий, ладони мягкие, животик, залысины на лбу. Ну и что. Немного старей, так, за тридцать. Мужчина нормальный. Эти размышления придержали её в машине. Она посмотрела на двери, на вывеску ресторана «Алеппо». Толик не появился.

По голосу тамады Жанна догадалась, что сейчас будут бросать букет. Она хлопнула дверью и оказалась в зале. Невесту от неё закрывали высокие девушки. «Дылды, трудно будет вам замуж, а мне сегодня повезёт, потому что я здесь самая несчастная, и не дай вам бог такого, что я видела сегодня», – подумала Жанна.

Невеста швырнула букет неожиданно. На лету его никто не поймал. Он упал возле стены. Жанна подхватила букет и прижала к груди, самому красивому своему месту, грудь её всем нравилась, но радостных возгласов и аплодисментов она не услышала. Все чужие, родственников и подруг среди гостей у неё не было. Мучительную паузу оборвал тамада:

– Золушка, где ваш принц? – спросил он.

– Здесь. Божена! Поздравляю тебя. Желаю тебе счастья в личной жизни, радости и успехов! – бодро отозвался Толик.

Прозвучали жидкие аплодисменты. Жанна вышла из ресторана и, не мешкая, выехала со стоянки. «Дура, дура», – ругала она себя и радовалась, что повезло, достался выигрыш – букет невесты. Незаметно, будто в беспамятстве, она добралась до квартиры мамы. Ночевать в кровати, где она спала с Фёдором, было невозможно, она даже не думала об этом.

– Что так? – спросила мама.

– Федя под машину попал, сразу. Нету больше Феди. Я отцу позвонила, фотки скинула, сказала, не могу больше, сами разбирайтесь, я на заказе. Ну, он... я ему всё объяснила. Машину поставить негде! Заказ габаритный, нести неудобно. Он устал и решил срезать, вышел на дорогу. А за этими розами видимости никакой.

– Какими розами?

– Торт мы получили, свадебный. Одна красная роза, другая шоколадная, коричневая.

– Всего две?

– Нет, там ещё маленькие были. На свадьбе, представляешь, гости все такие высокие, здоровые, и я среди них – малявка. Вот смотри, букет поймала.

В предвкушении неведомых перемен Жанна светилась радостью, говорила звонко и громко. Смерть Феди не вмещалась в её маленькое сердце. Там вместо горя внезапно зародилась надежда, можно сказать, вера в чудо. В машине она настолько одурела от запаха духов невесты, что погрузила лицо в букет и почувствовала: золотой «мерседес» уже выехал и скоро она увидит его!

– Ты влюбилась, что ли, не пойму? – спросила мама.

– Да нет, это так. Клеился один, говорил, что на автобусе работает. Мужик нормальный, сказал при всех, чтобы все слышали: «Желаю тебе счастья в личной жизни, радости и успехов!» Это значит, у него жены там не было. – Жанна развязала букет. – Смотри, язык цветов. Тёмные розы, три означают любовь, страстную любовь. Белые тюльпаны, три – это девичество и непорочность. Гиацинт, один, один означает верность. Лилии, тут опять три, обещают благополучие и семейное счастье. Маленький подсолнух – это солнце и отдых на море. И вот весь букет был завернут в листья фикуса. Фикус полезен для зачатия. И духи, понюхай, это какие?

– Не знаю, но хорошие, нежные.

– Эка радость мне привалила! Вазу для них принеси, – попросила Жанна.

– Ты, может, беременная? – так, на всякий случай спросила мать.

– Нет, не успела, деньги копили. Федя хотел участок взять и строиться на нём.

– Жалко его, рукастый, что ни попросишь, за всё брался. Я только подумаю, а он уже работает. По инструкции всё делал и мне объяснял. Деньги-то где?

– У меня.

– Доверчивый, где ещё такого найдёшь. – Светлана Серафимовна определила цветы в широкую, литую из цветного стекла вазу, в которой хранила конфеты в пору, когда Божена была маленькой и жила дома. – Сегодня брат твой объявился, – тихо сказала она и замолчала.

Значение сказанного дошло до Жанны не сразу, она подумала, что ослышалась, и переспросила:

– Какой-такой брат?

– От отца, из Сирии, зовут его Ильфат, учится в медицинском. Подарил золотую цепочку и фотографию.

Божена взяла цепь и подошла к зеркалу. На голубой футболке с надписью «Яндекс есть – ума не надо» старомодная цепочка не смотрелась, собственно, это была не цепочка, а золотой ошейник плетённый из мелких цветов, с которым в зеркале монтировались чёрные глаза и только.

– Он похож на меня. – Жанна сообразила, что не ослышалась и правильно всё поняла.

– Что-то есть. Он больше на отца похож, а ты на меня.

– Богатый?

– Не думаю. Скорее политический, как и отец. Я ему телефон твой дала.

Божена сняла футболку, взяла вазу с цветами и попросила:

– Мама, сфоткай меня.

– Ты сдурела? В лифчике! – удивилась Светлана Серафимовна.

– Он белый, хороший.

В предвкушении крупного выигрыша маленькое сердце билось размеренно и спокойно. Тёплое облако счастья обнимало Жанну. За рулём золотого «мерседеса» в золотом ошейнике ей было удобно и совершенно не стыдно. Её тяжёлая машина, надёжный «мерседес», уверенно двигался к шикарному замку, похожему на заставку студии Уолта Диснея. Жанна внимательно вглядывалась в зеркало. Себе она нравилась, другого, более близкого человека у неё не было.

– Федя грохнул кого-то и опасался. Ждал, придут за ним или обратка прилетит. Я ничего не знаю, мне кажется, он сказать хотел... и не успел. Говорил, убивать легко. – Жанна вступила в разговор с отражением.

– Не знаешь и молчи. О таких вещах не говорят, тем более Феди нет и сказать он ничего не может, – прозвучал за спиной голос мамы.

«Девка из BMW, первая „вторая смена“ всё знает, ушла она не по любви, на то другие причины», – решила Жанна и на этом успокоилась. В её голове текущие идеи появлялись и пропадали, подобно людям в проходном дворе.

Ильфат позвонил с утра, и Жанна сказала ему, чтобы заказал столик в «Алеппо». Другого хорошего ресторана она не знала. Тело Феди ещё лежало где-то в морге, но Жанна уже понимала, что из прошлого надо рвать когти. Всё – к лучшему, она верила в звезду, и ветреная судьба несла её в неведомую страну невиданных приключений. Ильфата она узнала с порога, хотя на фотографии с отцом он был значительно моложе и без бороды. Склонный к полноте, невысокий молодой человек в солидном сером костюме, голубой сорочке и чёрном галстуке выглядел старше своих лет. Жанна присела за столик, он надел очки, и они долго молчали, осторожно приглядывались друг к другу. Отца она не представляла совершенно, фотографий у мамы не было, и мама о нём не рассказывала ничего, говорила просто: «Залетела от сирийца, думала, увезёт меня в Эмираты, молодая была, глупая».

Ильфат представил сестре своего друга Вахида, крепкого, с офицерской осанкой молодого человека. «Позаботился, товарища притащил», – по-своему оценила этот момент Жанна.

Ей было неловко оттого, что она нарядилась в остатки от выпускного, в розовое платье и красные нелепые туфли. «Дура, я дура», – вздыхала всякий раз Жанна, когда встречалась глазами с Вахидом.

– Божена, я привёз тебе подарок, – сказал Ильфат.

Он открыл коробку из-под телефона и выложил на скатерть арабский ювелирный гарнитур: золотой подвес с камнями, серьги и браслет. Желание Жанны – присвоить украшения здесь и сейчас – опережало мысли и слова. Она оделась в золото, выпрямилась, но большого зеркала поблизости не было, и тогда Жанна посмотрела на Вахида.

– Очень красиво, – сказал он.

«Телохранитель, работает телохранителем у брата», – мелькнула мысль и вслух Жанна сказала:

– Спасибо, конечно, спасибо. Вы можете называть меня Жанна. Здесь все меня называют Жанной. Божена – непонятное русским имя. Мама придумала его назло папе. Он сказал: «Придумай ребенку русское имя». Эти слова мама поняла, он хотел сказать: я тебя и дочь в мусульманство не возьму, оставайтесь дома. И я теперь думаю. Вот если бы родился сын, тогда он взял или не взял её с собой?

– Сердиться на нас не надо. Отец не мог жениться на твоей матери. Он был разведчик, дипломатический разведчик и переводчик. Русский, французский. Он говорил мне: «В России, в Москве живёт твоя сестра. Её зовут Божена. Она на два года по возрасту старше. Когда в Сирии будет опасно и невозможно жить, то мигрируй в Россию и получай там гражданство».

– В Сирии есть море?

– Средиземное море есть. Туристов нет. Война. Два года назад отец погиб. Мама погибла. Они вместе в машине были. Исламисты их убили. Я воевал, Вахид воевал. Нас предали все.

– Это украшения твоей мамы, – догадалась Жанна.

– Да, это очень дорогие украшения. Дорогие для меня. Они были на маме в день гибели. Я отмывал их от крови.

«Насколько удобно носить вещи убитой женщины, другой жены отца?» – Жанна вздрогнула и моментально успокоилась: если брат-мусульманин подарил, значит, так можно. Она встала и прошла к зеркалу. Всё легло как надо, пришлось в тон коже и волосам. Золото и камни проявили национальные корни.

– Я похожа на арабку?

– Да, – сказал Ильфат. – Вахид, сфотографируй нас.

– А теперь меня с Вахидом, – попросила Ильфата Жанна.

Тут подоспел официант и сфотографировал всех вместе.

Во время ужина Жанна выяснила ряд непонятных вещей. Они – алавиты. Арабы не считают их арабами, а мусульмане – мусульманами. Алавиты – это секта суфиев-шиитов. Далее она совсем запуталась. Ильфат сказал, что они отрицают веру алавитов и все другие религии и что он с Вахидом – социалисты! За это убили отца. Жанна запомнила: отца убили за то, что был настоящим социалистом и атеистом.

– Убивать, это как, легко? – спросила Жанна.

– Это работа, опасная работа, – пояснил Ильфат. – С этой работой справляются женщины и дети. Женские батальоны есть у курдов, и в сирийской армии есть женщины. Убийство людей – мирных и военных – это средство достижения экономических результатов. Война идет за воду, нефть и газ в интересах империй и собственников. Мы, социалисты, против капитализма, национализма и веры в бога.

– Ты веришь в бога? – спросил её Вахид.

– Нет, – призналась Жанна.

– И мы нет. Не надо думать так. Мы из Сирии, арабы из Сирии, значит, мы – мусульмане. Мы против веры. В Сирии любой правоверный может убить меня, может убить Ильфата. Для них мы неверные.

От этих слов Жанне стало грустно. Золотой мерседес потускнел и погрузился в песок. Она потрогала украшение на груди и камни на браслете:

– Парни, мне нужен напарник, водитель на машину в Яндекс-доставку. Вчера я потеряла напарника и мужа. Федя случайно погиб в ДТП. Звонил его отец. Завтра в двенадцать будет прощание. Там буду я и мама. Вы умеете водить машину?

Похороны у Жанны начались с препираний. Мама настаивала на чёрном платке, потому что будет отпевание! А она считала, что достаточно чёрной шапочки. Мама напомнила, будет брат, поэтому нужен платок! До Жанны не сразу дошло, но мама убедила её, что лучше понимает сирийцев: «Надо надеть золото его матери, платок накинуть, не завязывая, в темноте будут блестеть серьги. Пусть он видит и все видят, что ты – сирийка». Жанна вспомнила про Вахида и согласилась.

В момент, когда мама ушла в магазин за платками, позвонил Толик, сообщил, что у него выходной и вечером он хотел бы пригласить её в ресторан или на прогулку по Москва-реке. Его предложение было настолько некстати, что Жанна вежливо, как могла, отказала. Тогда он выкатил претензию, сказал, что видел Пых-Пых в ресторане с кавказцами. Привёз посуду, которую брали на дом из ресторана, и вот засек её в розовом платье с моджахедами! Жанна возмутилась, ругалась с Толиком долго и завершила разговор предложением: «Звони ещё и не теряйся!»

У входа в храм Жанну и маму встретили Ильфат и Вахид. Сирийцы побрились, стали моложе и, по мнению Жанны, интереснее. Кроме родственников на церемонию прощания приехали друзья Фёдора с района, на котором он жил с родителями, и представитель транспортного отделения Яндекса. Светлана Серафимовна тихо сообщила родителям Феди и всем, что на похороны из Сирии прибыл студент, брат Жанны с другом, упреждая тем самым вопросы о золоте, которое появилось у неё и дочери.

До явления алавитов Жанна сирийкой себя не считала, по документам была никакой и опасных последствий открытия тайны своего происхождения не ожидала. Про сириек она ничего не знала, но живо вообразила себя иностранкой и стала чуть выше ростом.

Вдруг в зале стало так тихо, что она обратила внимание на гроб. Началась церемония прощания. В руках у Жанны появилась зажжённая свеча, и она вспомнила, что крестика нет и не было никогда, и не парилась она по этому поводу, и у Феди креста не было. Она взглянула на родителей Фёдора. Он походил на мать, которая ростом была чуть выше отца, такая же худая, носатая, суетная, с темными кругами... Бесцветный профиль матери походил на профиль сына в гробу. «Ей хуже других. Туда смотреть не может, и свеча у неё яркая, капает на пол», – подумала Божена.

Безусый, юный служка дымил усердно. Запах ладана ей нравился, но слова Писания Божена не понимала и не пыталась разобрать. Она вздрогнула, когда увидела возле себя битое на зоне лицо смотрящего.

– Это надолго. Идём, есть разговор. – Буза говорил тихо и криво улыбался.

Они вышли из храма и оказались в свободном от машин узком проходе между зданиями.

– Ты будешь платить за Федю.

– Его нет.

– Его нет, но долг остался. – Буза смотрел вверх и шарил глазами вокруг.

– Он мне никто. Я ничего не знаю.

– Знаешь. Деньги все у тебя. Он говорил, что пустой, всё у Жанны.

– Я не Жанна.

– Ну?

– Меня зовут Божена, Божена.

– Ты мне угрожаешь? Это напрасно и бесполезно. Работать будешь ежедневно. Платить за Федю каждый месяц. На тебе счётчик со дня похорон. Я за этим приехал. Зубатый на зоне за Федю чалится. Ему выходное пособие положено. Я не себе, не для себя стараюсь, а ты меня не понимаешь?! Золото навесила, как цыганка. Может, табор за тебя впишется? Может, разом хочешь откупиться. Брат тебе поможет? Мы перетрём с ним, разберёмся...

С нарастающим беспокойством Буза вглядывался поверх Божены в неведомую ей пустоту. Обернуться она не могла, потому что за его спиной видела Вахида. Сириец приближался бесшумно. Внезапно и совершенно спокойно он ударил Бузу ножом между рёбрами и провернул лезвие. Бажена услышала скрежет калёного металла, и в этот момент Ильфат из-за её спины нанёс второй удар прямо в сердце смотрящего... Удерживая тело на двух ножах, Ильфат и Вахид положили Бузу на землю возле стены. Божена отошла в сторону, чтобы не замараться кровью.

До входа в храм она шла, опустив глаза, не оборачиваясь, и, не перекрестив лба на надвратную икону, поднялась по лестнице...

XI

Голая остановилась, замолчала, и в комнату сквозь рамы с тройным стеклопакетом вошёл мягкий, невнятный городской гул.

– А дальше? – шёпотом, чтобы не разбудить Варшавскую, спросила Катя.

– Продолжения рукописи нет. – Голая показала листок Кате.

– Я рассказывал отцу похожий случай. Пацаны вписали девку на долги сожителя. Она грохнула главного, и мы не смогли её отмазать. Сирийцев в деле не было, это он придумал, – Евгений заземлил историю, прикнутил лист, выпрямился и развернул плечи от бледного неба к дивану.

Мама дремала у стенки шкафа. Отец лежал на боку, рядом. Мама положила ему бежевую ортопедическую подушку под голову, и от этого он сделался живым. На глаза Евгения навернулись слёзы, в груди возникло тёмное, похожее на ожидание грозы стеснение.

– Папа, папа, не думал я, что душа может жить отдельно, не верил, что есть. И у меня, может, тоже есть, не видел, не знаю... Если слышишь меня? Она красивая, удивительная, правда, правда, правда! – признание далось сыну не сразу и трудно.

– Она ушла, ушла и ничего не сказала, – слёзы у Кати получались иногда из ничего, она прижалась к Жене и осторожно потрогала пупырышки на погонах.

Антифриз

Она боялась открыть ему свой дар яростной любви, проявить чувства, на которые была способна, разумно полагая, что муж оскорбится и посчитает её развратной, нечистой и, хуже того, психически больной женщиной.

«Олма»

I

Из окна серебристого джипа Пётр наблюдал, как медленно падал снег и столь же неторопливо собирались зрители в театр Музыкальной комедии на водевиль «Прекрасная Галатhea». Он прибыл на свидание за сорок минут и, ожидая, представлял себе, что незнакомка в синем платке остановится у входа в театр, он явится ей с букетом альстромерий, в элегантном пиджаке, в коротких узких брючках и офисных ботинках на кожаном ходу, из которых молочно-белые будут выглядывать белые носки. Пётр Михайлович был уверен, девушка, имени которой он не знал, подойдёт с минуты на минуту, потому что на визитке, которую она дала ему, было волшебное слово «да», точнее, это была его визитка, на обороте которой она написала номер своего телефона и вместо имени слово «Да», с большой буквы.

С театралкой он познакомился поздно вечером в пустынном универсаме. Опыт съёма девушек в магазине у Петра Михайловича был. Элегантное пальто в серую крапинку, прямую спину и высокие каблуки он заценил сразу, подошёл к объекту так, чтобы она не могла его не увидеть. Девушка односложно парировала шутки и спокойно отвергла его предложения. Когда Пётр выговорился, она подняла на него глаза и убедительно попросила не преследовать её. Возникла пауза, так на паузе состоялся безглагольный обмен визитками, расстались молча. В корзине незнакомки по имени «Да» Пётр заметил творожок, несколько фруктов, так себе, девичий набор, и – мороженую шуку. Рыба озадачила его и возбудила аппетит, к ужину он взял себе копчёную скумбрию.

На следующий день Пётр Михайлович позвонил, номер оказался настоящим, по телефону она назначила ему свидание в театре, сказала, чтобы в кассе на свою фамилию «Толмачёв» он получил билет или билеты, этого от волнения он не понял.

Снегопад усилился. Колючая крупа царапала лица пешеходов. Застёгнутый до ушей народ малыми группами густо и напористо валил в театр. Пётр вспомнил про билеты, остановил двигатель джипа и прислушался, ему показалось, что на панели тикают светящиеся часы. «Бред какой-то», – думать о часах ему было некогда.

Бодро и весело Толмачёв завалился в кассу, получил бесплатный билет, быстро обошёл фойе, вспомнил, что забыл цветы, возвращаться не стал. Он был уверен, что узнает её сразу, даже если она переоденется, потому что «Да» единственная, – похожих на неё женщин он не видел никогда. Бог даст, и он увидит её, потому что у него были возлюбленные и любимые, но влюблённых в него, любящих девушек в его жизни не было никогда, ни разу, и надежда на взаимную любовь толкала сердце на подвиги. Пётр легко, стремительно двигался по театру, заглянул в партер, с высоты балкона он осмотрел зал и ложи. Его место в шестом ряду возле центрального прохода никто не занял, рядом тоже было свободное кресло. После третьего звонка он занял своё место, рядом никого не было, точнее все места были заняты, кроме одного.

Игра в прятки с незнакомкой, как ему думалось, продолжалась. Пётр вертел головой, пока окончательно не погас свет. На сцене он увидел античную декорацию, ступени, арку, колонну и женскую статую на фоне синего неба. Патетическая скука на сцене длилась до тех

пор, пока в действие не вступила статуя. Галатее-статуя превратилась в женщину, Галатее оживила и громко, бельканто заявила о себе. Он узнал, это была она, синий платочек, точнее, сейчас она была одета в коротенькую тогу, белое трико и громадный парик. На пьедестале незнакомка из универсама казалась настолько высокой, величественной, что Пётр невольно выпрямился, развернул плечи и поднял подбородок так, будто он стоял в строю.

Когда Галатее соблазняла Ганимеда, Пётр перехватил её взгляд, когда дурила Мидаса, она улыбнулась ему. На сцене развивались интересные события, описанные в либретто.

Скульптор Пигмалион страстно влюбился в скульптуру нимфы Галатее и просит богиню любви Венеру оживить своё творение. Богиня оживляет прекрасную статую. Пигмалион ожидает благодарности и взаимной любви от Галатее, но женщина первым делом посылает его вон из дома – за едой. Пока хозяин отсутствует, Галатее соблазняет его ленивого слугу Ганимеда, который кажется ей привлекательнее Пигмалиона. На пороге мастерской появляется богатый купец Мидас. Ганимед пускает в дом Мидаса и показывает ему чудесное творение Пигмалиона. Мидас щедро одаривает красавицу драгоценностями и Ганимеда деньгами, но склонить Галатее к благодарности не успевает. В дом возвращается Пигмалион с едой.

Во время пира Галатее жадно ест и пьёт вино, пьянеет и начинает буянить. Пигмалион и Мидас пытаются её связать, но Галатее удаётся бежать из дома, мужчины бросаются в погоню, скульптор за любимой, купец за своими драгоценностями. Галатее прячется и обманывает обоих, затем она возвращается в дом, находит там Ганимеда и склоняет его к любви.

Пигмалион входит в мастерскую, видит Ганимеда в объятиях Галатее и хватается за топор. Лёгкая на ногу красавица убегает и прячется от своего создателя. Пигмалион просит Венеру, чтобы она обратила Галатее в статую и вернула в дом. Богиня выполняет просьбу. Прекрасная нимфа превращается в статую, и все украшения Мидаса на её теле каменеют. Купец приходит в ярость и требует у Пигмалиона возврата драгоценностей. Пигмалион дарит Мидасу статую Галатее, чтобы покрыть его убытки. В прибыли от поучительной сделки остаётся обласканный Галатеей ленивый Ганимед.

Пошлый сюжет музыкальной комедии возбуждал публику, зал живо реагировал на репризы актёров, лишь Пётр не смеялся, не мог, он думал о себе, что глуп, ему было стыдно за сказанное в магазине. Девушка из универсама оказалась актрисой, примой настоящего театра, она выше и стоит дороже его визитки и американского джипа.

Музыка пробудила воспоминания. Пётр окаменел, как переполненный кипящей водой чан, от наплывших из тьмы беспамятства тяжёлых чувств. Он видел себя в прежней жизни, весёлым, счастливым и чужим до неузнаваемости.

Представление оказалось коротким, в одно действие и без перерыва. Все бурно хлопали, он очнулся, встал, актёры вышли на поклоны. Он увидел незнакомку, актриса улыбалась залу, появились цветы, букетами она прикрыла тело и от этого стала ещё прекраснее.

Повторно ожившая Галатее со сцены стыдливо смотрела мимо него, куда-то в сторону, в пол или в потолок.

Тихий снег валил хлопьями, Пётр укрылся под фронтоном театра, в пиджаке он выглядел глупо и жалко. Вход был закрыт, закрылся соседний алкомаркет, возле театра одинокому человеку было светло, но неуютно, как в лесу возле костра.

Он укрылся в машине и тщательно высморкался. Когда Пётр выглянул в окно, то увидел женщину невысокого роста в невзрачном пуховике, в кроссовках и вязаной шапочке, он узнал её. Случилось то, что герой-любовник ожидал и к чему готовился. Он соскочил с переднего пассажирского кресла и эффектно появился из машины с букетом экзотических синих альстромерий. С непокрытой головой сквозь снег Пётр пошёл навстречу, не раздумывая обнял её, оторвал от земли и крепко прижал к груди. Она тихо прошептала в ухо: «Да, всё хорошо, цветы отдайте мне, я подержу», – незнакомка села на переднее место, нашла ремень, пристегнулась.

II

Прежняя семейная жизнь представлялась Петру необратимо потерянным куском его плоти. Он изгнал, вырезал прошлое из памяти, репрессировал, такое с ним уже было, когда после ранения перевёлся с Кавказа в Сибирь. Забыл всё и точка, так и с женой вышла точка, Лиза стала для него обратной стороной луны. Он не видел её, старался не вспоминать и дочь, но, так или иначе, изгнанные мучили его, он это чувствовал.

Пётр не был обижен и уязвлён Лизой, нет, потеря жены и дочери породила пустоту, сравнимую с гибелью близких. Он утратил смысл, его семья, как вода, утекла сквозь прореху, Пётр Михайлович потерял дом, жену, ну и дочь, это много, это очень много.

Он не мучился вопросом, почему она изменила, почему это случилось именно с ним – случилось и случилось. Разрыв произошёл сразу, мгновенно, безболезненно. Тогда Пётр по сертификату приобрёл квартиру в новом доме. Он год хлопотал, потом искал варианты, ещё год был занят ремонтом и благоустройством, домашние хлопоты увлекли обоих, с Лизой выбирали всё вместе, радовались каждой новой вещи, не спорили, тогда он не думал, есть счастье или нет его, просто оно было само собой. Так длилось до тех пор, пока он не узнал, что жена в этом же доме нашла себе любовника, семейного соседа, что эта связь для неё не любовь, а развлечение без серьёзных планов и намерений, и что в их пати участвовала жена соседа.

Пётр не впал в истерику, жена для него умерла, нежный образ, который он любил, испарился. Действовать он начал стремительно, на второй день написал заявление о разводе, на третий день съехал из квартиры, – будто похороны провернул. Лиза пыталась отрицать факты, просила забыть, обещала, что больше не будет и не повторится, потом согласилась на развод и начала выставлять условия. Пётр видел её отвлекающие манёвры и понимал, что он ей не нужен. Он не задумывался и не копался, чем был плох, кто из них виноват, потому что не чувствовал за собой вины, греха с его стороны не было. Потребности у него не было, он никогда не изменял жене, мысли не было и стремлений, его устраивала семейная жизнь с Лизой, он верил в неё и доверял деньги, документы, у неё был пин от его карточки, что ещё?! Главное, для жены и дочери он сделал, квартиру приобрёл.

Пётр не взял из дома ничего, уехал на съёмную квартиру, уехал на джипе, на который, слава Богу, она не претендовала. Своего друга, внедорожник «Jeep Wrangler JK», он любил, относился к «Врангу» с уважением и некоторым трепетом, чувствовал, что взял с перебором, не по чину, не по стати. Джип был воплощением его мечты, серебристый, стальной, агрессивный и высокий, ростом выше похожего на стареющего подростка, худощавого хозяина. «Американец» был крепким надёжным другом Петра.

III

В ресторане незнакомка спросила:

– Мне сесть рядом с вами или напротив?

– Давайте, как в театре, пока не могу привыкнуть.

– На сцене я выглядела лучше, правда, у меня костюм с объёмными формами, мне нравится в этом костюме играть, но вы, наверное, разочарованы.

– Нисколько, я сам такой же, хочу быть немного больше, чем есть на самом деле. В театре я последний раз был не помню когда, в Нальчике или Кисловодске, программку забыл купить.

– Не большая потеря, разрешите представиться, в роли Галатеи вы видели Тамару Михайлову, солистку театра Музыкальной комедии, можно просто Тома.

– А я думал, что вас зовут Да, так было написано.

Тома тоже думала, прочитала визитку, золотые буквы: Пётр Михайлович Толмачёв, директор чего-то там жел-дор-транс. Тома подумала, а почему «нет»? и написала «да».

– Тома, вы очень умная и красивая, просто супер, серьёзная, самостоятельная, смелая, сильная...

– Сука, вы хотите сказать, да, я знаю, так все говорят. – Тома мстила ему за пошлости в магазине.

Пётр смутился и продолжил разговор шёпотом:

– Хорошо, что в зале нет музыки и тихо, мне официант сказал, что у них фишка такая, тихо, чтобы посетители могли общаться лично.

– Хорошо, будем лично, мне не трудно. Пётр Михайлович, вы на Петруху похожи из «Белого солнца», он такой доверчивый, честный. Я сразу заметила, что похожи, поэтому написала «Да», честно.

– Да, я знаю, так все говорят, что доверчивый. Мы с вами похожи, есть немного, только не могу уловить в чём?

– Мы просто клоны, если посчитать количество рук, ног и голов, прочитайте мне меню, а я подумаю.

Спокойно, без комментариев Пётр прочитал всё меню. Она внимательно слушала и задумчиво молчала, как уставшая рыба.

– Почему в магазине вы взяли такую страшную шуку? – спросил он.

– Я сразу заметила, вы глаз на меня положили, и взяла шуку, как дубинку, чтобы отбиваться. Вдруг на улице начнёте приставать, а я вас шукой, шукой по морде хрясь, хрясь, понимаете, я же маленькая женщина...

– Умная и красивая...

– Спасибо, но шуки в меню нет, поэтому я возьму жареного на углях сибаса, потом грибной жульен, чай с малиной и грейпфрутом.

– Хорошо, а что насчёт вина и десертов.

– Съем и выпью всё, что вы закажете, только, извините, лифчик жмёт. – Она поправила маленькие чашечки.

– Тогда я возьму пельмени, потом стейк Торо, чай мы будем вместе пить.

– Да. Три чайника надо брать, я очень голодная.

– Да. И утку, две порции возьмём, на завтрак, на завтрак. Ты во сколько встаёшь?

– К одиннадцати на репетицию.

– Мне к девяти в контору.

Маленькая женщина вошла в его пустоту, как в свой дом, залатала прореху в душе Петра. Она вошла в него, как вода в воду, будто была там всегда, окружила вниманием, относилась с уважением, вела себя так, будто они знакомы не неделю, не две, а с детского сада. Он называл

её Тамара-Да или просто Да. Короткое слово стало её ласковым прозвищем. Молча, в тишине и покое они очень хорошо чувствовали друг друга, примерно, как люди у костра, невидимый огонь связывал и согревал их тела. Тома пыталась познакомить его со своими подругами, актёрами, друзьями, но Пётр отказывался, на спектакли он ходил, но за кулисы не погружался. Михалыч боялся шумной и яркой тусовки, в которой мог затеряться, как равный среди равных, ему нужны были особые права на Тамару.

IV

Решение о том, что его женщина должна стать его женой, явилось само собой. На то, чтобы организовать отношения с родственниками и знакомыми, оформить и узаконить личную жизнь, требовалось время. Пётр арендовал новую квартиру в престижном доме с хорошей обстановкой. На новоселье пригласил родителей и старшую сестру с семейством. Тамара накрыла стол по-домашнему, еду взяла из ресторана, получилось вкусно и по-свойски. Дарья Михайловна, мама Петра, понимала, что жениться сыну надо, он так устроен, однолюб, что и он, и Тамара – не дети, набегались уже. Сестра толкала брата в бок и причитала: «Какая красавица, какая модница, пусть теперь Лизка губы кусает, утёр ты её, Толмачёв». Тома пела песни из мультиков, играла на гитаре, племянники Петра были в восторге. Маша и Миша маршировали вокруг стола и кричали:

Если близко воробей
Мы готовим пушку.
Если муха – муху бей!
Взять её на мушку.

Отец Петра молчал, не улыбался, ел и пил с аппетитом, закуска ему понравилась. Пётр знал, что от него людям ни совета, ни приветов, на всякое дело у отца три присловья: «Ну, с Богом. Бог простит. С Божией помощью». Михаилу Михайловичу не понравилось, что Тома нерусская, что актриса, это без слов всем было понятно.

Мать на него тихо надавила, когда они вместе курили на лоджии: «С русской вон что вышло, любил, баловал Лизу, а сейчас страдает. Ты в каком месте эту измерил, что не русская. Не вижу я, ну, остячка, есть немного, так они же крещёные. Сам-то чалдон и она – наша, нормальная, сибирская, говорит лучше тебя, книги читает. Девка – огонь, так и наш – не пальцем деланный. Она Петю любит, заботливая, дай Бог им счастья». Дарья Михайловна говорила долго и много, за двоих, за него и за себя, так у них повелось. Отец молчал, а после чаю сказал Петру, что по зимнику надо успеть на Юконду, по-людски познакомиться с родителями и сродниками, на 8 Марта, к примеру, ехать, а летом туда дороги не будет и, опять же, гнус.

Пётр предложил Тамаре-Да досрочное свадебное путешествие, чтобы, получив благословение её родителей там, они могли зарегистрировать свой брак здесь. Михалыч настаивал на этом, полагая, что от добра добра не ищут. Тома была рядом с ним вчера, есть сегодня, может быть, будет завтра. К регистрации его толкал страх, вероятность утраты, он боялся потерять её, так же случайно, как и обрёл. Петруха понимал, что не он привлёк её к себе, притянул деньгами и джипом, а Тома выбрала его. Он чувствовал, что их счастье держится на взаимной воле к семейной несвободе, что в их любви больше стремления к душевному равновесию, чем секса.

Тома согласилась на поездку, она два года не видела родителей, сказала, что скучает, но радости, света не было на её точёном, малоподвижном лице. Страх приморозил её изнутри, она боялась того, что не понимал Пётр. Тома говорила, в посёлке – другие, там нищета, работы нет, он увидит пьяных, с которыми не о чём поговорить, эти общие места Пётр пропускал молча. Она продолжала, здесь, в городе, даже в бывшем общежитии, в котором у неё сейчас комната, лучше, чем там. Здесь её ценят и уважают больше, чем в тайге, что она благодарна Богу, что ей удалось вырваться из тайги, забыть остяков и стать русской, европейской русской.

На самом деле всё было не так, как она представляла себе и думала. Тамара давно покинула родные места, родителей, первобытные леса и болота, но в городе не прижилась, семьи, связей у неё не было. Пётр стал для Тамары опорой, отцом и восполнил потерю родных и близких. Да чувствовала, что Петруха прикрывает дыры и пустоты, привязывает к себе, наполняет

её жизнь смыслом и приближает к мечте. Да стремилась к полной и необратимой ассимиляции в цивилизованном мире. Пётр и его американский джип были движением в этом направлении. Она искала дверь в большой город, семью, в которой могла бы укорениться и стать иной, такой, как все. Тома не говорила ему о своём желании, да и как о том сказать, это надо делать без слов, она хотела войти в семью Толмачёвых, подружиться с Машей, Мишей, сестрой Петра, и окружить заботой мать так, чтобы старый чалдон принял её в семью как свою и назвал дочерью. Поездка в тайгу в этом смысле была обратным ходом.

V

Пётр купил коробку виски, фрукты и конфеты для женщин и детей, потом они приобрели игрушки, машинки и самолётики, мыльные пузыри и надувные шары для маленьких детей. Тамара сказала, что надо дарить полезные вещи, и они взяли кроссовки, десяток пар от разных производителей. Тамара купила новое постельное бельё и несколько полотенец, мыло, вспомнила, что шампунь нужно взять. Купили коробку шампуня в красивых флаконах на подарки.

Потом Пётр принёс охотничье ружьё, дорогую двустволку:

– Это калым, выкуп за тебя, нормально.

– Дорого. Тебе будут дарить щенков, не бери, мясо медведя не ешь. Шкурки и рыбу можно брать, угостишь родителей. Потом крест, тебе нательный надо купить, люди в посёлке приметливые, год будут обсуждать.

– Может быть, мне бороду отпустить? Как ты думаешь, никогда в бороде не ходил.

– И не надо.

Пётр с «американцем» прошёл техосмотр, заменил масло полностью, промыл радиатор, заменил антифриз, поставил машину на горку и выгнал воздух из радиатора.

Солнце радовало глаз, дороги в городе развезло, машина потускнела от грязи. Пётр протёр номера, и они выехали из города. По тракту до Салехарда добрались быстро. Михалыч машину не гнал, шёл степенно. В дороге лицо Тамары сделалось задумчивым, она спокойно смотрела вперёд, глазами не рыскала, не вертелась, молчала и в этом была похожа на отца Петра. Ему нравилось мягкое выражение на лице, с которым она смотрела на дорогу. Михалыч несколько раз останавливал джип и протирал стекло, нежность переполняла Петра, он становился светлее рядом с ней.

VI

В мотель они заехали, когда красная полоса от завалившегося за горизонт солнца побледнела, и на небе появились редкие яркие звёзды. Пётр выбрал четырёхместную комнату с четырьмя кроватями, большой кровати или раскладного дивана в мотеле не было, не было там и столовой. На ужин прикупили то, что нашлось на заправочной станции, сок, пиво, чипсы, банку ветчины, в продаже были лимоны, чай Тамара взяла свой.

Джип стоял под навесом, морда не влезла под крышу и её припорошил снег.

– Смотри, бородатый джип, правда, смешно, – сказала Тома.

– Думаешь, седой старый, ему всего семь лет.

– Тебя не заводят экономичные «немки», надёжные «японки».

– Я танкист, мне нравятся большие машины, представляешь танк, махина, сила. Он сложно устроен, я видел их не на бумаге, в железе, водил, стрелял, командовал. Для танкиста машина, как спецовка, её кожей надо чувствовать.

Пётр резко сменил тему, завёл разговор, что да как в посёлке, как кого зовут, чем люди занимаются, как и что выглядит, видно было, он волновался, ходил по комнате. Тамара отвечала однозначно, она говорила, что особенного ничего нет, русский посёлок и всё. Олени не водятся, есть ездовые собаки, гостей собаки не любят, могут штаны порвать. Если хочешь посмотреть, как остяки живут, надо в райцентр, там музей, фотографии, есть избушка на курьих ножках, манекены в национальной одежде, там церковь есть, я бы зашла туда.

Пётр загуглил вопросы по краеведению, ничего интересного не нашёл, река Юконда, посёлок, как остров, кругом вода, сезонный перепад уровня – до 9 метров. Летом ни приехать, ни уехать, сообщение только катером, речным путём до Иртыша. Есть памятник сельчанам, погибшим на войне, школа двухэтажная, она же дом культуры. Избы деревянные русского фасона, возле домов маленькие огороды. На окраине посёлка ряды длинных строений, видимо, склады. На фото начальники из администрации, люди как люди. Он оторвался от смартфона, потому что почувствовал, что Тома смотрит на него:

– Когда я готовилась к роли в «Прекрасной Галатее», то читала, что Галатее грустила у ручья, слёзы капали в убегающую воду, потому что возлюбленного Галатеи, юношу Акида, убил циклоп Полифем. Нимфа превратила умирающего Акида в светлый ручей и отвергла Полифема. Плачущую у ручья нимфу увидел скульптор Пигмалион. Она вызвала в нём жалость и пробудила сострадание, скульптор создал прекрасную статую грустной нимфы. Пигмалион хотел быть водой у её ног, хотел быть возлюбленным нимфы и омыwać ступни Галатеи.

Пётр не понял ничего, до него дошло только то, что она прочитала его мысли, которые он высказать не мог: «Быть возлюбленным и омыwać ступни, да, согласен, любовь в смирении», – Пётр ожидал продолжения.

– В посёлке живёт мой сын Дима, ему четыре года, пятый, он маленький.

Пётр встал, обнял Тому, крепко обнял, слова опережали его мысли:

– Мы возьмём его с собой. Он будет жить с тобой, с нами. Ты этого хочешь?

– Да.

– Что с отцом, где Акид?

– Он убит, ты слышал, это длинная история.

– Рассказывай, не бойся, я справлюсь, переживу.

– Парень привязался ко мне беспутный, русский из Красноярска, из тех мест. Мы вместе поступали в училище, познакомились. Его не взяли, он крутился вокруг, потом его в армию забрали. Отслужил срочную, вернулся ко мне. Пробовал поступать ещё раз и сел за драку на пять лет. Отсидел три, жил у меня в комнате, в общежитии, пробовал поступать в Театральный институт, на все факультеты, в университет. Его никуда не брали. Он озлобился, башня совсем

съехала. Я, говорит, великим хочу быть, живым или мёртвым не важно, всё или ничего, он так обычно выражался. Мне сказал, что завербовался, но я думаю, он самотёком ушёл в Донбасс. Дима тогда родился, денег у него не было. На мою зарплату жили, он за деньгами пошёл. Два перевода я получила. Потом мать его позвонила, сказала, что погиб. Сказала, что ездила туда, свидетельство о смерти там дали, а здесь бумагу не признают. Спрашивала меня, расписаны мы или нет. Сказала, у него доля в квартире где-то есть. Я её не знаю, не видела, про Диму ей ничего не сказала, отвезла его к маме.

Пётр улыбался широко и открыто, как Гагарин, вернувшийся из космоса.

– Ты что? – спросила его Тамара, она была утомлена и напугана своим рассказом.

– Я счастлив, хочется выпить за Диму и чокнуться с тобой. Надо открыть виски.

Ранее они не были настолько откровенны и ласковы друг с другом, как в эту ночь.

VII

Рано утром Тамара заплела две короткие косички, и от этого сделалась похожей на девочку-школьницу. Голову повязала платком синего цвета, который шёл к тёмным глазам. Черты её лица в полной мере были гармоничными, прямой узкий нос с тонко вырезанными ноздрями, высокие скулы, широкий рот и тонкие губы, открывавшие ровные зубы. Платком она тщательно прикрыла грудь и шею, надела дублёнку. Пётр увидел блёстки макияжа на губах и скулах, синюю краску в тон платка на веках и широкие, шире, чем обычно, брови. Когда она успела накраситься? Он не заметил, но грим был новый и непривычный. Пётр понял, что она готова и желает ехать, он сказал: «Жди здесь», – и бросился к умывальнику бриться.

Они выехали на рассвете, около восьми часов утра.

У Петра Михайловича было прекрасное настроение. Жизнь наполнялась планами, его ожидали великие дела, голова работала чётко. Они заберут Диму, он устроит его в детский сад и какую-нибудь академию для подготовки к школе. Через военкома сделает запросы и прояснит судьбу его отца. Параллельно проверит дело пропавшего воина через службу безопасности, на войне всегда есть надежда. Потом, после свадьбы, он усыновит Диму, у него будет сын, маленький Толмачёв. Эта мысль грела и веселила, Петруха то и дело посматривал на Тому, она смущённо улыбалась, лёгкая тень вины лежала на её лице, и Петру хотелось сдуть эту тень.

По дороге мела позёмка, ветер поднимал и кружил в свете фар лёгкий снег, лежащую на дороге крупу трамбовали широкие американские колёса. Джип тормозила пурга и плохая видимость. За четыре часа Пётр не встретил ни одной машины. Он прижался к сугробу и остановился. Встречных и попутных машин не было, на протяжении всей дороги не было. Когда он вышел из машины, то сполна ощутил силу бурана. Знаков и отбойников на дороге Пётр не видел. Шёл он по трассе или уже по зимнику, не понял, видимость метров на пятьдесят. Пётр поднялся на снежный отвал от грейдера, попрыгал на твёрдой слежавшейся за зиму куче снега и вернулся в салон, достал смартфон, хотел посмотреть новости и погоду, чуда не случилось, поиск сетей показал, что сотовой связи в этом районе нет.

– Будем обедать, – сказал Пётр и включил свет в салоне.

Тамара достала термос и дорожный рюкзак с припасами. Там были банки с мясом и густым молоком, курица, ветчина, хлеб, галеты, сахар, соль, перец, шоколад. Сумку собирал Пётр, у него был армейский навык, он учитывал все варианты, даже тот, что они будут идти пешком.

– Наша задача: взять высоту, закрепиться на ней и далее действовать по обстоятельствам. Что местные делают, если в дороге их настигает пурга?

– Ничего, ложатся спать. В собачьей кухлянке можно спать в нартах или на снегу. Собаки, волки спят на снегу и ничего.

– Я в Интернете читал, что они раздеваются догола, чтобы замёрзнуть и скорее умереть.

– Нам такое рассказывали на уроках истории, кто-то написал ерунду и все верят, даже свои. В кухлянке надо спать гольшом, у неё мех снаружи и мех внутри, это не две шубы, а термос. Бельё впитывает пот, испаряет влагу, эффект термоса пропадает, и человек начинает мёрзнуть. Это нам уже физик объяснял, на уроках физики.

– Ещё я читал, что местные в голодное время едят стариков и детей...

Тамара не успела ему ответить, за стеклом вспыхнули фары встречной машины. Пётр открыл дверь, выскочил на снег, поднял руку и упал. Тома вздрогнула от выстрела, в них стреляли из проходившего мимо УАЗа. Второй выстрел попал в багажник джипа. УАЗ газанул и с выключенными огнями скрылся в снежной мгле. Пётр поднялся в салон и начал разворачивать машину.

– Не надо, остановись, – услышал он голос Тамары. – Это местные охотники, они вернутся, они будут идти по следу. Джип хорошая добыча.

– Почему он промахнулся, стрелял в упор и не убил.

– Пьяный был или Бога побоялся, такое бывает. Надо уходить, пока пурга метёт, и прятаться.

Пётр осмотрел машину, стреляли картечью, пострадал капот, его дверь, стекло, дверь багажника и опять стекло. Колёса в порядке. Он зарядил ружьё и погнал «американца» вперёд по зимнику. Три часа шли ходко, на дороге по-прежнему было пусто, пурга не стихала. Печка не справлялась, в салоне стало прохладно, Тамара с ногами забралась на сиденье.

Когда Пётр уверился, что зимник идёт через озеро, он остановил джип и произвёл разведку. Они стояли на льду, место продуваемое, снега немного, машин не видно. Пётр осторожно свернул направо и пошёл по льду, пока не упёрся в карликовый, ростом с машину лес. Он обогнул островок справа и пошёл дальше, надо было отойти от дороги на три, лучше на пять километров, так, чтобы машина с дороги стала невидимой.

VIII

Джип вышел на край озера к лесу. Пётр оценил позицию, припай озера был твёрдым, прочным и хорошо держал джип, за спиной мелкий лес, впереди простиралось невидимое большое озеро, которое они только что пересекли. Двигатель работал спокойно, уверенно, фары и огни он не включал. Ветер дул монотонно, без порывов и остановок, колючий снег царапал лицо.

– Надо дыры закрыть мокрым картоном, он замёрзнет и будет хорошо, – услышал он голос Тамары.

– Лучше тряпками, у нас полотенца есть. Ты мочи их в салоне и мне передавай в окно.

– В салоне нельзя, здесь и без того холодно. – Тамара вышла из машины и сразу провалилась в снег.

– Залезай обратно, закуску готовь, я сам всё сделаю.

Мокрые руки на ветру невыносимо болели, пальцы совершенно потеряли чувствительность. Петруха несколько раз терял в снегу айфон и долго искал его. Слава Богу, полотенца радостно липли к стёклам и кузову, как язык к топору. Пётр запорошил их снегом и ввалился в машину.

– Возьми, выпей, – предложила ему Да. В свете приборной панели он видел стакан и её профиль.

– Не могу, пальцы отморозил.

– Ладно, открывай рот, я залью тебе горячку из бутылки, как топливо в бак, и разотру пальцы.

В темноте Тома кормила его руками, сначала было неловко, потом он приноровился.

– Всё, шабаш, теперь моя очередь, – заявил Пётр после третьей заправки.

– Не торопись, ты ещё чай не пил и шоколад не ел.

Джип был оборудован кружкой с разогревом, она много раз выручала Петра в командировках, и он всякий раз поминал американцев добрым словом. После чая Петруха окончательно ожил и повеселел. В машине было тепло и тихо, тикали светящиеся часы. Часы действительно тикали, в джипе была звуковая опция, Пётр разобрался, нашёл её в меню и отключать не стал. Раньше, до знакомства с Да, в салоне обычно гремела музыка, и он не слышал стука часов.

– Да, смотри, огненная вода. – Пётр налил виски в крышку от банки и поджёг. Слабое голубое пламя осветило салон и счастливые лица молодожёнов. – Чуть-чуть, краем глаза, заметил ружьё и сразу упал, вот так, прыгнул в снег, выстрел, ба-бах, я крутанулся под колёса, второй заряд взял на себя «американец». Могли убить, мне второй раз так крупно повезло. Возьми, – Пётр дал Тамаре свинцовую горошину, которую нашёл на сиденье среди осколков.

– Я видела первый выстрел, видела вспышку и лицо. От второго – спряталась, вот сюда.

– Ты разглядела, узнаешь его?

– Охотник стрелял с пассажирского места, через водителя в открытое окно, я сбоку видела того, который сидел за рулём.

– Надо было рвануть, я бы догнал УАЗ и разобрался.

– Догнал и что, в машине ты знаешь, сколько стрелков? У каждого ружьё, они превратили бы наш джип в решето. Если бы у тебя был автомат, ты мог бы их прибить и заморозить всех, поэтому они так шустро газанули, испугались.

– Да, смелые ребята, они из берданки обстреляли джип, в котором могли быть охотники рангом выше, полиция, например, чоповцы или бандиты. Зачем стреляли, не понял. Могли нарваться на автоматчика и получить тра-та-та-та.

– Местные не думают и ничего не помнят из того, что им говорят. Они промышляют кто чем, это не война, просто жизнь такая однообразная, однодневная, хватил и сыт. Джип

охотники не упустят, как раненого зверя. Убивать нас они не будут, нельзя, и на помощь не надейся, гостей здесь не любят. Ты их не увидишь и, если встретишь, то не узнаешь. Не дай Бог, мы заблудимся и замёрзнем, они нас найдут. Помнишь, ты спрашивал, так это – правда, которую помнить грешно.

– Тома, сказку про Бабу-ягу я помню. Вышло как вышло. Нарвались на хулиганов, промысел им в пургу не задался, а пострелять охота, вот и шамальнули. Не фантазируй, у меня запасной бак полный, бензина на обратную дорогу хватит. Из горла будешь...

– Буду, только немного, хотя нет, открой вино, оно сладкое, и сам выпей, мне нужна компания.

Пётр так разогнал печку, что уши у него покраснели. Он снял куртку, свитер и достал бутылку итальянского вермута.

– Тома, давай поженимся прямо сейчас, в американском храме, под вой пурги, по-чалдонски.

– Это романтично, в готическом стиле, я согласна. Мне надо привести себя в порядок, включи свет, хочу соответствовать, скинуть штаны, одеть колготки и туфли.

– Мне тоже надо руки помыть, – дверь открылась с трудом, её привалило снегом. «Всего полсуток дует», – подумал Пётр, на свежем ветру было хорошо, холодно, он стоял до тех пор, пока зубы не задрожали.

Пётр Михайлович надел пиджак, лицо его изменилось, стало важным и значительным, как у старшего командира на плацу. Из кармана он достал кольца в коробочках и, глядя в ветровое стекло, произнёс формулу:

– Венчается раб Божий Пётр рабе Божией Тамаре во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

– Венчается раба Божия Тамара рабу Божьему Петру во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь, – повторила Тамара.

Не глядя друг на друга, они прочитали формулу венчания три раза.

– И превратил Иисус воду в вино. И мы теперь не простая вода, а вино крепкое. Наливай, Тамара, чашу. – Пётр изложил суть библейских чтений на венчании. Тамара наполнила стакан вином, они выпили его до дна и обменялись кольцами. Поцеловались по обычаю раз, второй, третий. Пётр сказал: «Горько», – и началась свадьба.

От спиртных паров свет в салоне сделался мутным, как в бане. Петруха мыл ноги Тамары виски, наливал в ладонь и растирал ступни, каждый пальчик.

– Видишь, какие у меня прямые стройные ножки, это славянские ноги, самые красивые ноги. Надо не на лицо, надо на ножки смотреть под юбкой, меня в театр взяли за хорошие ножки. Национальный кадр с красивыми ногами. У меня папа Гера высокий, я на него похожа, у него ноги длинные-длинные, а мама коротышка. Коротышек не берут. Руки мне потри. У меня длинные руки, длинные пальцы и рот до ушей, я похожа на мультяшечку, мультяшечку. Мультяшечка. Мультяшечка.

– Спать пора, Мультяшечка, иди спать, спать. – Пётр помог ей одеться, и уже сонную завернул в одеяло. Когда он выключил свет в салоне, стало лучше, уютнее, как на космической станции. За бортом тьма и ветер, а на станции горит приборная панель, урчит двигатель, гудит вентилятор. «Попали в пробку. К утру всё сладится. Джип откопаю, зимник найду. Завтра, всё будет завтра, ну и ну», – на этой ноте он успокоился. Дворники на ветровом стекле замёрзли. Ружьё было под рукой. Потихоньку, мелкими глотками Пётр Михайлович дожал бутылку виски и задремал в кресле. Ему снилась Лиза, её мягкое пухлое лицо с редкими веснушками. Он тянул её в море, она вырывалась. Он брызгал на неё водой, Лиза визжала и смеялась. Пётр очнулся, до рассвета оставалось ещё часов пять-шесть. Толмачёв одел комбинезон, куртку, шапочку, всю верхнюю одежду на себя на случай тревожного пробуждения и выхода из машины, поправил одеяла у Тамары и растянулся рядом.

IX

Петру снилась дорога. Белый зимник двигался, налезал на него. Вокруг пусто, ни луны, ни звёзд. В свете фар суетились снежинки. Неожиданно зимник исчез. Он оказался в темноте, внутри танка. Корпус дрожал от разрывов, звенел от пуль и осколков. Машина стояла. Двигатель заглох. На дне танка он руками шарил, искал люк. Не мог найти, забыл, не мог вспомнить: где его экипаж. Пули барабанили по голове, по мозгам. Тело сжалось в ожидании взрыва. Сильно, очень сильно хотелось ссать. Больно было шевелиться. Удар снаряда в корпус танка бросил его на железную стену. Моча пошла, горячее тепло разлилось в штанах. Он летел спиной вниз, вокруг был молочный свет, такой густой, что его можно было трогать. Свет сгущался, превращался в липкий кисель. Пётр тонул, шевелил руками, ногами, пытался выплыть, вынырнуть на поверхность. Клей вязал его руки и ноги, отнимал силы. Он силился открыть рот, чтобы выдохнуть душивший его крик.

Тамаре снилась собачья упряжка. Она в санях стремительно катилась по насту. Снег комьями летел в лицо. Она держала младенца, маленького Диму. Крепко держала, боялась выронить. Сквозь собачий лай слышались бубенцы. За упряжкой гналась большая машина. Джип сверкал в солнечных лучах и тучах снега. Собачьей упряжкой управлял отец. Она видела его спину и ждала, что он повернётся, и она увидит лицо. Машина без водителя поравнялась с санками. Собаки испугались, сбились в кучу. Тамара упала. Дима потерялся, пропал. Она провалилась в снег и увидела круглый закрывающий свет живот. «Тужься, тужься». – Голос она слышала, но врачей не видела. Тома тужилась до слёз, сжимала глаза, кричала, но ребёнок не двигался. Неожиданно она проснулась в берлоге, возле медведя. В снежной яме было темно и светло одновременно. Она увидела искрящийся на солнце иней на стекле и поняла, что проснулась. Иней был внутри машины, на стёклах, на потолке. Громко стучали часы приборной панели, двигатель молчал. Тамара закричала громко и неистово: «Петя! Пётр!» – Голос её звучал тихо и слабо, это был голос умирающей женщины. Она увидела искажённое болью и страхом дикое лицо, выпученные от ужаса голубые глаза, белые от инея ресницы и брови. Тамара медленно понимала, что он мёртв, видела и не могла ничего сделать. Ног она не чувствовала, рука казалась ей чужой, уже твёрдой. Последний сон Тамары Михайловой был страшен. Она видела себя в роли Галатеи, финальную сцену, в которой прекрасная нимфа умирает и превращается в каменную статую. Актриса неглубоко и прерывисто дышала, слова уже не пытались вырваться звуком из её уст, слова читались на глазах и текли слезами: «Боже, за что ты так жесток к нам, мы не рабы, мы дети твои, дети, пожалей нас».

Братик

Какое чудовище ты вырастил? Труса и насильника! Сын твой девочку изнасиловал и бежал, бежал от мобилизации, трус и дезертир твой сын! Чтoб ты деньгами своими подавился.

«Рут»

I

Ему завидовали мужчины. Его любили женщины. Деньги липли к рукам. Хорошая должность давала доход, добро получалось само собой, как еда на самобранке. Двухэтажная квартира, пара машин, пухлая жена, жилистая любовница, разнополые дети, богатый братик в Харькове... Роман имел достаточно. Таких героев обычно рисуют на плакатах. Он мог бы нести знамя, рекламировать капитализм, квартиры, кредиты и женские жуйки.

Харьковский братик хвалился деньгами, но с роднёй не делился. Роман не просил, но надеялся. Олежка обещал бизнес на Украине, намекал, что только сейчас развернулся по-крупному, завязался с немцами и ему нужен надёжный менеджер для рывка. Роман продал квартиру, раскидал активы по банкам и купил билеты в Харьков. С этого дня у него появились серые сны. Тёмные подъезды, лестничные клетки, коридоры и двери. Он искал выход. Дёргал ручки, они отваливались. Толкал двери. Пальцы, руки, ноги погружались в металл... Пройти сквозь дверь он мог, но уверенности, что возвращение гарантировано, не было.

Синее небо лезло в глаза. Роман отошёл в тень и позвонил братику, сообщил дату приезда. Олег ласково, по-малороссийски расспрашивал: какая погода, что Нина, Ося и Ася?! Потом, уже по-русски, прибавил: обстановка изменилась, нарисовались американцы, есть проблемы, короче, бизнес завис... Олег уговаривал не дёргаться, держать паузу, не моросить...

Вера в сильного брата у него осталась, но уверенности уже не было. «Чуяла сука, накаркала», – вспомнил жену Роман. Виновное лицо нашлось, и сразу стало легче. Нина была против переезда. Нине не нравился Харьков. Нина родилась в Омске! Жена сторонилась братика. Олег не в меру матерился, и она считала его бандитом. Её пугала неуёмная энергия братика, его стремительная подвижность, непрерывная болтовня и смех без причины. Она чувствовала, братик – «на колёсах». Раз попыталась сказать об этом Роме. Они тогда лежали в кровати, он поднял её за плечи и двинул по голове так, что она улетела на пол. В семье жена голоса не имела.

Роман нашёл в чистом небе мелкий клочок перистых облаков и решил билеты придержать. Позвонил Лесе. Лёгкая, гибкая, лохматая, похожая на перистые облака женщина сказала, что к ней нельзя, только в гостинице. Секс не получился. Она от кого-то узнала, что Роман мигрирует в Украину, и закатила по этому поводу истерику. Её реакция была, в общем, понятна и ожидаема: не сказал, не предупредил, ничего не подарил, но не совсем... В финале, вместо того чтобы плакать и ласкать его, обливая слезами, Леся заявила, что она беременна?! Беременна от него и будет рожать! Роман не поверил. Он знал её способность к истерическим припадкам и высоким чувственным полётам, к чему привык и привязался, хотя, чёрт разберёт этих баб, предохранялась-то она, а не он?

II

Вечером произошло отвратительное продолжение дневных неприятностей. Внезапно Леся нагрянула в гости к Роману в сопровождении мужа. Георгий принёс виски, балык и букет

белых роз для Нины. С порога он объявил, что Леся не пьёт, что она беременна, они ждут ребёнка и вот решили отметить?!

Сели за стол, Роман напротив Леси, Гера напротив Нины. Роман понимал, что Леся – «штучка с фокусами» – головой работать умеет, этим она выгодно отличалась от Нины, но не на столько, чтобы кинуть его. Обобрать на пару с мужем, который работал у него замом, всю жизнь замом, с тех времён, когда писал для Ромы курсовые?!

Беременная радостно сообщила, что она всё-всё знает, поздравляет Романа с Ниной и желает удачи на новом месте. Леся кружила по комнатам и прятала от него лживые глаза. Она настырно интересовалась у Нины, что из вещей они увезут, что оставят здесь, трогала руками мебель и кривилась, не всё ей нравилось. Вещи выбирал Роман, от этого не было в квартире женской прелести, очаровательных мелочей и милых символов любви и дружбы. «Тупой, Рома – тупой», – Леся шёпотом ласкала своё сердце, свой пламенный неутомимый мотор! Она – тощая и костлявая – убедила Рому, в том, что он – потрясающий любовник, ей удалось! Ради дела она даже на курсы ходила. Там объясняли, что ласкать надо не органы, а самолюбие клиента, надо тонко восхищаться его силой, умом и красотой. Она льстила ему легко и ласково, потому что Роман был классным...

Гера изрядно набрался и торжественно сообщил, видимо, персонально для Нины, что он назначен на должность Романа. Приказ подписан президентом компании, точка, и теперь будут – танцы, точка! Пухлые щёчки Георгия в этот момент тряслись от радости. Леся громко хохотала, хотя и не пила. Пьяный Гера пригласил Нину потанцевать, типа, последний раз. Он обнял и намекнул ей на ушко, так, между прочим, о связи Романа с Лесей. Мол, было это давно, молодые и глупые, а он терпел, страдал, и теперь, когда они уедут в Харьков, для всех, для неё и для него будет лучше...

Взять в разум эту информацию Нина не могла, но стыд, нутряной стыд вылез наружу, она покраснела. До неё дошло: в квартире будет жить Леся с Герой, они будут пользоваться её вещами! Муж-предатель тайно продал квартиру любовнице! Хуже того, липкий холуй, хитрый нужник, который глазки строил и за задницу её хватал, отнял у мужа должность! Когда до неё дошло, что Леся с Герой работали в паре, развели их, обобрали и из дома выбросили, Нина взбесилась. Она сунула букет белых роз в торт и попыталась обработать этим венником подлую рожу подруги. Роман с Герой успели остановить её руки. Леся овладела букетом и ткнула его в лицо хозяйке. У Нины начался нервный припадок. Она молчала, всю жизнь молчала и теперь прорвалась, как труба центрального отопления грязным кипятком:

– Вон из моей квартиры, вон все!!! – слов не хватало, Нина принялась за посуду, уронила чайник и бросилась к окну на штору. Роман с Герой скрутили её, а Леся вцепилась в волосы. На Нину навалилось буйное помешательство. Она билась молча, не расходуя дыхание на слова. Роман свободной рукой вступился за жену. В горячке он сильно ударил Лесю в лицо. Гера кинулся поднимать её, и вдвоём они быстро исчезли. В детской голосили малыши, войти в столовую Ося и Ася боялись. Успокоить детей Роман не мог, потому что крепко, сцепив белые пальцы замком, удерживал в объятьях жену. Он пытался докричаться до неё, открыть женщине правду:

– Всё хуже, ещё хуже, чем ты думаешь! Плохо мне, понимаешь! Успокойся. Квартира фу-у. Мы, мы не едем, здесь, здесь остаёмся! В Омске, в Омске! Тише, ты тише. Олега дербанят. Он в бегах! Воюет брат, воюет, понимаешь. Крыша его кинула, сдала... Он вообще не в Харькове! В бегах, не знаю, где-то...

Гера тихо вернулся за своими вещами. В прихожей он нашёл куртку, пальто, сумочку и заглянул в комнату. Роман засёк его, бросил Нину, проскочил мимо и вылетел из квартиры. Гера успел подумать: «Лесю пошёл искать?» – и следом, тут же на входную дверь навалилась Нина:

– Вон, вон, убью! Всех убью! – хрипела она дурным голосом и держала входную дверь, будто в неё кто-то ломился.

Дети появились в прихожей, Ося держал за руку Асю. Они молчали. Гера увидел зажмуренные от страха глаза детей и понял: здесь он главный! В этот момент он сильно обнял Нину, прижал к двери так, чтобы она почувствовала в нём мужчину. Держать в объятьях чужую жену было и скучно, и приятно. Он думал о последствиях: «Медным тазом накрылся бизнес шефа в Харькове. Его проблемы – мои проблемы. Всё как всегда...» – и громко, уже в адрес Нины и детей, Гера начал действовать словами:

– Я помогу вам, помогу. Решу все проблемы, договорюсь. Всё будет хорошо. Он вернётся, всё вернётся. Нина, Ниночка, поверь, он любит тебя, детей! Но Москва лучше Харькова! Понимаешь, вам надо ехать в столицу, к президенту. Москва большая, красивая. Там Кремль. Деньги у вас есть, папа устроится. Ты держись за него, он классный, прости, прости его. Жизнь наладится. Я помогу папе устроиться, поговорю с президентом, а потом Рома вытащит меня в Москву. Я тоже хочу в Москву!!! Там большие обороты, деньжищи крутятся. Какой Харьков, Харьков нам не нужен. Ты права...

III

Роман бросил всё и всех. Он медленно ехал по мокрой ночной дороге и плакал. «Шлюха, агент на задании, проститутка... подарки, деньги брала. Идея с переездом к брату – это Ромы идея. Всё с братом просил познакомить? Я ознакомил. Олег в баню гниду водил... и я повёлся на его разводку, доверился. Лох! Лох! Лох!» – слова в пьяной голове скакали, чередовались с бликами на дороге. Машина шла на окраину, туда, где никого нет. На шоссе Роман увидел дорожную проститутку. Она жалобно голосовала, махала ему рукой. Он проехал мимо, потом понял, что на женщине нет верхней одежды, и вернулся:

– Вам в полицию надо, – сказал Роман, когда увидел кровь на лице девушки.

– Я сказала, нет, не надо. Не повторяйте, отвезите меня домой, если можете.

– В больницу надо, там снимут побои, справку дадут.

– О чём, зачем мне справка? Медики вызовут полицию, меня запишут в проститутки, вас лишат водительских прав. Вам, лично, нужен осмотр? Вы будете первым подозреваемым! Извините, я плохо говорю, я грязная, от меня, наверное, воняет?

– Сочувствую, у меня есть время, и я постараюсь вам помочь, садитесь.

– Я похожа на плечевую? – девушка устроилась на заднем сиденье.

– Не разглядел, но честно сказать, так подумал, когда проехал мимо.

– Тогда почему вы развернулись?

– Чтобы помочь хорошему человеку.

– Осторожнее, прошу, ведите машину аккуратно. Понимаете, я жить хочу! Раньше не понимала, думала, всё успеется потом. Сегодня повезло, повезло, могла бы лежать под ковром из тёплых листьев, но я – счастливая.

IV

Роман проводил девушку до двери квартиры:

– Поверь. Разреши, я тебе помогу? Здесь живёт кто-нибудь, кто тебе поможет?

– Нет, я арендую.

– Правда, мне некуда, можно сказать, заблудился и случайно встретил. Сначала мимо проехал, не хотел знакомиться, честно. Я не напрашиваюсь, но это может пригодиться. – Он отдал ей автомобильную аптечку.

Девушка впустила его в квартиру:

– Тебе нельзя за руль. Права отберут, а я буду виновата! Мне плохо, не думала я, что счастье бывает такое отвратительное. Меня зовут Женя.

– Женя, Евгений, – представился Роман.

– Не смешно и не правда. – Женя ему не поверила.

Квартира оказалась однокомнатной, крашенной по штукатурке и пустой. На полу – зелёный ламинат, сумки, коробки. Под потолком плоская тарелка. В ванной шумел душ. Роман вошёл без стука и предупреждения, вымыл руки, нашёл мочалку:

– Вставай, не бойся, у меня получится быстрее.

– Не трогай, возможно, я заразная... Здесь дверь не закрывается.

– Я не претендую, надо набрать ванну и просто полежать, – Роман взял розовую бутылку и щедро облил Женю жидким мылом. – Думай, я – медбрат или докторишка.

– Денег я должна вам за доставку, у меня немного есть. В гостиницу отсюда можно пешком.

– У меня всё есть, в смысле средства на карточке. – Роман пригляделся к Жене. Стрижка – под мальчика. Коротенький нос и тонкие губы разбиты. Левое ухо опухло. Она оказалась гораздо моложе, чем показалась ему в машине, девочка лет двадцати. Лицо круглое, среднего роста, с развитой грудью, таких в Сибири много.

– Я просто шла. Он сзади напал, ударил очень сильно в живот, ниже груди. Я скрючилась. Он ударил по голове, взял меня одной рукой, как мешок... Очнулась на заднем сиденье, пошевелиться боюсь. Когда машина встала, он вытащил меня. Ударил в лицо и злобно, с ненавистью, будто я враг или виновата, стал мучить. Если бы умерла тогда, так и не заметила как. Уже без разницы было.

– Он один?

– Один. Я против него – курица варёная или кошка. В любой момент мог оторвать или сломать что-нибудь. Руки сильные и грубые.

– Ещё что запомнила, какие приметы?

– Мы ж не целовались, у него балаклава на морде. – Жене хотелось выговориться, в пене и возле постороннего человека было удобно и не стыдно. – Рост обыкновенный, одет по-спортивному, штаны и куртка. Даже сколько лет не могу определить, тридцать, меньше или сорок? Номер машины запомнила, цифры. Главное, я поняла, со мной он не первый раз, у него приёмы отработанные.

– А голос, что он говорил?

– Ни слова, молча. Сопел немного, вот думаю, он старше тридцати.

– У тебя это первый раз? – Роман устроился на полу, за шторкой, и они не видели друг друга.

– В смысле? У меня парень есть, друг... но это всё... не знаю теперь, что с ним будет. Я не понимаю, почему это со мной случилось? За что! Что плохого сделала, чем я виновата?

– За всё хорошее, я не шучу. Так бывает, когда всё чики-чики и окей, вдруг бац, бац, бац по морде! И лежишь ниже грязи... – Роман тихо продолжил: – Позабыт, позаброшен... Вот умру я, умру я, похоронят меня, и никто не узнает, где могилка моя. И никто не узнает, где могилка моя. На мою на могилку уж никто не придёт. Только ранней весной соловей пропоёт.

– Вот не знаю такой песни.

– Отец пел спьяну.

– Но вот почему он меня не убил, мог ведь и убить? Правда.

– Не знаю, повезло, это правда. Возможно, уголовник или пришелец... у них свои понятия.

– Это как?

– Есть тёмный мир, там всегда война. На войне другие обычаи. На войне можно насиловать и не убивать. Иногда люди оттуда выпадают сюда.

– Да, в этом смысле мне повезло, а у тебя что случилось?

Роман рассказал свою историю, в которой до конца и сам ещё не разобрался, и предложил Жене сегодня же приобрести новую одежду, а старую ликвидировать, переменить место жительства и начать, таким образом, новую жизнь.

– Нет, так не пойдёт. Ты парень не надёжный и мне не нужен. Тебе надо к жене возвращаться, прощения у неё просить. Она же тебе не изменяла, верной была?

– Да, дура она.

– Таких женщин любить и уважать надо. Братик прокололся, друг кинул, делай вывод, надо своим умом жить. Я бы на твоём месте в Москву уехала. Там качество жизни другое. В Москве всё, как у немцев или чехов, даже лучше и в то же время там свои, русских много, все тебя понимают...

– Москву нам предлагаешь, это интересно.

– Я же не про себя...

Впечатления прошедшего дня будоражили, в разговорах ночь прошла незаметно. Лихорадочное возбуждение наливалось ощущением, что в жизни каждого случился сдвиг, после которого могут произойти неведомые события буквально завтра или послезавтра, или – уже никогда.

– Я опаздываю на работу, мне к восьми, – вспомнила Женья.

– Ты не спала ни минуты. Потом, посмотри в зеркало! На работу идти не советую, не надо, позвони, скажи, что заболела.

– Нет. Мне надо, и я должна там быть.

Роман понял, у девочки отказ звучит однозначно, а согласие будет тяжёлым и ответственным решением.

– Не бойся меня. Я уйду в гостиницу.

– Зачем, нет, возьми ключ, это запасной. Ложись спать, вид у тебя чумной. Там бритва женская есть, можешь побриться. Я не против. Есть йогурт – в холодильнике. Будешь уходить, отдашь ключ соседке в квартире напротив, её зовут Вера Матвеевна, Вера Матвеевна. Ты не первый здесь... гость, она в курсе. – Женья реально торопилась и была очень возбуждена.

– У тебя есть очки? – окликнул её Роман.

– Нет, я не ношу.

– Тёмные надо. Купи тёмные очки. О-о, забыл, я же могу тебя отвезти.

V

В офисе Женю встретил Марк. Благообразное бородатое лицо друга выражало готовность к смирению и покорности. Он благородно промолчал, сделал вид. Женья оценила это по-своему. С утра её раздражало всё, всё, особенно терпимость. В голове сверкнула молния: «Буду изменять, и ты будешь молчать, кофе в постель носить. Ненавижу таких. Муж, идеальный супруг! Ха-ха».

– Кофе твой остыл, но я могу подогреть, – повторил Марк.

– Не надо, не дёргай, я рано встала и завтракала. – Женья отвернулась и ушла к окну. Чёрной машины Романа на улице не было. Она пыталась угадать, где машина стояла, когда он её высадил. «Её надо мыть, там пахнет и кровь на сиденье». – Мысли её побежали, побежали в этом направлении и скоро уткнулись в столб с табличкой: «Живая. Да, живая!»

– Извини, у тебя разбито лицо, я могу чем-нибудь помочь? – спросил Марк.

– Нет, ничего, всё нормально. Хотя купи мне очки какие-нибудь. Плохо мне, всё путается, но не мысли, чувю, что всё не так идёт. Ты выглядишь отвратительно, природа, погода, твой крест – всё отвратительно.

– Мы можем вместе выбрать очки?

– Нет. Ты лучше выберешь, я доверяю. Ты лучше меня. Уходи, мне трудно тебя видеть.

Марк спокойно исчез. В банке он работал штатным программистом отдела безопасности и был похож на квадратного робота из коммунистической сказки, и от этого Жене было его жалко, немного: «Не обернулся, почему он никогда не оборачивается? Говорю ему, и он уходит, говорю ему, и он оборачивается. Марк безотказный, ему не хватает самолюбия, своего голоса. Женя выбирает ему и себе, Женя решает, а я не хочу ничего выбирать, решать, сомневаться. Я – скотина, дура и овца, даже не коза, типичная овца, меня можно и нужно драть! – У Жени навернулись слёзы. Когда к окну подошли девчонки, по разбитому лицу, по щекам текли ручьи. – Почему он выбрал меня, а не Лору или Юлю. У Лоры зад больше и губы...»

Внезапно точка зрения на жизнь в глазах Жени повернулась и стала обратной её природной. Она увидела знакомых девчонок со стороны, из мужской позиции, все их физиологические достоинства и недостатки. Ей стало так противно, что она сделалась мерзкой сама себе.

– Свадьбы не будет, – сообщила Евгения подругам почти радостно.

– Ты чего, не понимаешь? Бьёт, значит, любит, это классно... – удивилась Юля. – Меня никто не бил, и я так страдаю, так страдаю!

Шутка удалась. Евгения улыбнулась, но с появлением Марка она опять скисла. Он купил ей шапочку с ушками и зеркальные очки.

VI

В кафе Женя нарисовала Марку ту же картину, что ночью Роману. Марк ел и слушал, он волновался и молчал, записал номер машины. Женя знала, что Марк из тех людей, что думают медленно и хорошо, в смысле хорошо думают о людях.

– Съешь мой обед, оплачено, – попросила Женя и отвернулась к окну. Свет, ей нужен был свет, простой, дневной, в котором она чувствовала силу и своё одинокое присутствие. Такого не было прежде. Прошлое отошло в серую тень невзрачных забытых вещей. Так видят мир младенцы в первый день творенья: очевидный свет и страх, невидимый, пронизывающий всё на свете страх. Она, иная душа, родившаяся этим утром в утробе погибшей Жени, кричала, выла в ожидании спасения и явления его, а если, если он не придёт?

Марк подвинул к себе поднос Жени, машинально съел морковный салат, овощной суп и булочку с вареньем, выпил остывший кофе и предложил:

– Давай заявим в полицию.

– Что заявим?

– Номер машины, приметы и всё такое!

– Зачем?

– Они найдут преступника.

– Нет.

– Девчонки говорили, ты плакала.

– Это нервное, пройдёт.

– Да, обязательно пройдёт.

– Ты меня хочешь, прямо сейчас, здесь, идём в туалет? – Женя посмотрела ему в глаза.

– Да, са-мо собой, – Марк напрягся от такого рода откровенности. – Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я тебя люб-лю, – внятно по слогам добавил он.

– Я за-разная, инфи-цированная, – в тон ему ответила Женя.

– Надо закрыть эту тему. Хватит по кругу бегать. Едем в больницу сдавать анализы. –

Марк взял Женю за руку и увлёл на улицу. Они сели в красную «мазду» Марка.

– Ты знаешь, что такое инкубационный период? – спросила Женя.

– Нет, – сознался Марк.

– Свадьбы не будет полгода и никогда, так может быть.

– Это почему?

– Меня уже имел жених небесный. Дары его мне неизвестны. В лучшем случае – беременна, в худшем – чем-то больна или травмирована.

Марк вёл машину спокойно и правильно. Женя никогда не садилась с ним рядом. У него было мнение, что на заднем сиденье пассажир находится в большей безопасности, а она обижалась, что возле руля он в недостаточной степени уделял ей внимания, как женщине, а не пассажиру. После затянувшейся паузы Марк продолжил разговор:

– Не надо нагнетать. Будем действовать по мере поступления проблем. Ты же знаешь, я не умею сочувствовать и жалеть.

– И соболезновать? Представляешь, меня уже... вчера я могла уйти навсегда!

– Да. Мне не хватает эмоционального интеллекта, как ты говоришь. Преступник умён? Он с тобой разговаривал?

– Нет. Он не пытался вступать в личные отношения: запугивать, оскорблять, просить – ничего не просил.

– Ты говорила, он с ненавистью действовал, как бы наказывал тебя или в твоём лице других. Какой мотив у него, за что?

– Это я своё накрутила, извини. Обидно другое, он не видел во мне женщину, человека. Я для него скотина, вещь. Можно использовать и бросить. Запихнул в машину, щёлкнул замками и погнал. Трудно объяснить про ненависть. Понимаешь, в тот момент он себя ненавидел и сам себя истязал. Я так чувствовала. Для него я была тряпкой, инструментом, вот что страшно! Я обняла его и прижалась, пожалела. Я даже не плакала. До меня потом дошло, ему совестно стало, и он меня не убил.

– Всё проще должно быть. Без комплексов и садомазохизма. Мы не в цифре живём, слава богу.

– Смотри, мог убить, легко, но – не убил. Почему? Как ты думаешь?

– Почему? Твой вопрос неправильный. Вопрос «почему?» нацелен на поиск причины. Причинно-следственные отношения действуют в закономерных процессах. То есть в алгоритмах, в которых есть стабильная повторяемость. Благодаря повторяемости в научной практике возможен эксперимент. Но с тобой произошёл исключительный случай. Такие вещи выпадают из закономерного множества. Здесь более точным будет вопрос «зачем?». В раскрытии преступления важен мотив криминального поведения. Это ключ. Произошло тяжкое преступление, сексуальное насилие без посягательства на жизнь. Я думал об этом. Допустим, он уже убивал и не раз, то ему это не надо. – Марк надолго замолчал.

– Ты хочешь сказать, что я сама отдалась. Дала щедро и с удовольствием? И он меня благородно помиловал!

– Такого я не думал и не говорил. Это твои мысли. У тебя завышенная самооценка. Ты видишь искажённую картину и пытаешься понять: какое впечатление произвела на преступника? Самолюбие нам необходимо, особенно мне, но разговор не про тебя, а про него. В данном случае у преступника не было мотива к убийству. Возможно, и я в этом не уверен, но по косвенным признакам можно предположить, что преступник – профессиональный убийца, боевик или бандит, то есть не псих и не маньяк, поэтому ты не погибла.

– Он будет меня искать? Я в опасности?

– Да, всё может быть. Он влюбился, наблюдал, выслеживал тебя, похитил и придёт ещё раз. – Марк улыбнулся. – Есть мифы про женщин. С ними таинственным образом блудили боги. Думай, что это твой вариант, если нравится. Я считаю, вероятность повторения события нулевая. Твой случай исключительный. Следующей жертвой будет другая девушка.

VII

Марк был настойчив. На лестничной площадке они остановилась возле закрытой двери. Женя молчала и в глаза не смотрела. Марк понял, что она не желает пускать его в квартиру. Он вставил свой ключ в замок и повернул два раза. Дверь не открылась. Марк несколько раз нажал на кнопку звонка. Появился мужик в майке, в трусах, в руках – мокрая тряпка.

– Заходите, я к вашему приходу решил прибраться квартиру, – улыбнулся Роман.

– Это сифилитик? – спросил Марк у Жени.

– Нет, это другой.

– Вижу, у тебя богатый выбор. Трое враз.

– Евгений, знакомьтесь, моего друга зовут Марк.

– Минуту, – Роман скрылся в комнате, на встречу с другом он не рассчитывал.

Женя прошла в кухню. Там был накрыт стол на двоих: пицца, лазанья, фрукты и цветы.

– Евгений, спасибо, я тронута вашим вниманием. Поставьте третий прибор для Марка, – распорядилась Женя и услышала голос Романа из подъезда:

– Марк, прекрати глупить, вернись, не уходи! – Роман успел придержать дверь лифта и решительно ввалился в кабину.

– Твоё счастье там, – указал он Марку наверх.

– Сифилитик, – прошипел Марк и плюнул в лицо сопернику.

В кабине лифта завязалась драка. Роман был выше ростом и старше. Когда на первом этаже лифт открылся, Марк лежал на полу. Роман отправил лифт обратно на восьмой этаж.

Марк вернулся в кухню.

– Он сказал, что ты моё счастье.

– Этот парень подобрал меня на дороге и отвёз домой. Его жена выгнала из дома, друг предал... Ты всё испортил.

– И ты пожалела лузера.

– Да, у всех свои проблемы. И у меня, я не смогла бы жить с бабником и предателем на его деньги.

– Это неправда, не верю, будешь старше и сможешь. Все живут и терпят друг друга из-за денег и собственности. Я не могу предложить тебе сразу и много.

– Марк, ты не герой моего романа, сегодня я в этом убедилась. Ты не уверен в себе и во мне. Свадьбы не будет. Без уверенности что-либо делать даже говорить убедительно невозможно.

Из окна кухни Женя видела чёрный «ауди». Машина стояла на обочине и никуда не двигалась. Роман искал выход из харьковской западни: «Если к Нинке, там Леся с Герой. Для них я – предатель и битая собака?! Квартира продана, деньги на кармане. Можно лететь в Харьков? Жильё там дешёвое. Можно в Москву. Ход сильный, но без рекомендации генерального и Геры делать в столице нечего. Девчонка? Обуза или шанс на долгую счастливую жизнь в любви и радости?»

VIII

До брата Роман не дозвонился. Приехал в загородную гостиницу, куда раньше возил девушек. «Была Ира, Юлия, Люси и рыжая, имя забыл и хорошо. Теперь Женя, кто она мне?» – нежное чувство к Жене теплилось, грело. Видеть никого не хотелось, на звонки местных проституток Рома не отзывался. Он погрузился в изучение украинского бизнеса. Выяснилось, что братик попал под персональные санкции, активы его арестованы. Он работал с партнёрами, связанными на сына бывшего президента Виктора Януковича. После переворота началось

выдавливание российских олигархов из Украины, и на братика навалился этот каток. В сообщениях мелькали фамилии Эдуарда Ставицкого, Павла Фукса, Александра Ярославского. Романа поразили проценты, откаты дикие 50/50. Но, собственно, в подключении к кредитным потокам и состоял план. Уснул он в хорошем настроении и проснулся к обеду.

Утренний сон был длинным. Он оказался на окраине то ли Омска, то ли Москвы. Среди высоких домов, в просторных дворах и сухих ямах лежали корабли, крашенные в синие, красные и пурпурные тона. С земли хорошо смотрелись лимонного цвета днища. В белых домах были окна, множество сияющих стеклопакетов, но дверей и подъездов он найти не мог, не видел. Рядом Рома чувствовал Женю, вместе они поднялись на заброшенный в город корабль. С палубы далеко просматривался горизонт и неровные белые зубы домов. На окружной дороге, в сизом мареве он разглядел автобусную остановку и группу пассажиров. Хотелось туда, к автобусам. Других людей на районе не было.

Они быстро ринулись вниз по лестницам, но из днища корабля не было выхода. Чем дальше они двигались вниз, тем проще становились интерьеры. Влага появилась на ржавеющих мрачных стенах. Наконец они упёрлись в затопленную палубу. Он поздно вспомнил, что в кораблях нет подъездов. Кое-где горели лампочки. Они оказались на краю смердящей железной пропасти. «Это ад, – понял Роман. – Слава богу. Добрался до финиша». Женя прижалась к нему, он крепко её обнял. Было не страшно и даже наоборот, покойно. Воздух испарился. Дыхание остановилось.

Разбудил Романа телефон. Звонил Олег, не вовремя и уже некстати:

– Приветик, ну, звонил...

– Да. Думаю, ехать или обождать?

– Приезжай, можешь ко мне в дом заселиться. Живи у меня, дом целее будет, но помочь не могу, по мне дело открыли, читал?

– Чуток, пока не в курсе...

– Тебе и не надо. Я – в Лондоне, дети – в Болгарии.

– Чего не вместе?

– Здесь дорого всё, там теплее, спокойнее... – Братик сыпал весёлыми матюгами. Роман слушал и думал своё: «Ему всё нипочём, суды, бандиты – как с гуся вода. Ну, возьму Женю, завалюсь к нему. Он скажет, фи-и, самовар привёз? В Харькове свои есть. Оближут с ног до головы! Возможно, Нина права в отношении братика. Ничего святого у человека. Стыдно!» – Эта мысль подняла Романа с кровати.

На веранде загородного кафе знакомых не было. Роман тупо копался в Интернете и медленно обедал. Разбитая нижняя губа припухла, болела. Неожиданно, буквально из ниоткуда, к столику подошёл Марк и молча сел напротив. Роман не удивился. За ночь изнасилованная девушка, которую он случайно подобрал на дороге, так крепко овладела его фантазиями, что реальные проблемы отошли на второй план.

– За мной следишь?

– Да, Женя, слежу.

– Я не Женя, меня зовут Роман Осипович.

– Это не беда. Я всю ночь по городу мотался и нашёл. Смотри, не на стоянке, а на обочине стоит серая «тойота». Номер, цвет сходится. Всё, как Женя говорила, помнишь?!

Роман посмотрел на машины возле кафе:

– Моя – «ауди» чёрная. Возьми ключи и сиди там, пока я здесь. Будем наблюдать.

Марк взял ключи, открыл машину, сел на место водителя. Роман доел солянку, подвинул к себе купаты, обильно заправил их томатным соусом. Он забыл, отвлёкся от машин и посетителей. Игра в полицейских его не зацепила. К его столику неожиданно вернулся Марк:

– Нашёл водителя, не оборачивайся. Он за спиной у тебя, у стены сидит, поляну наблюдает.

Роман обернулся, да, сомнений не было. Пострижен, выбрит, невысокий, крепкий торс, глаз не поднимает и всё видит. Человек с обратной стороны луны. Чужой.

– А если «тойота» не его и приметы с машиной не бьют?

– Он засёк нас, явно дёргается. Ключи достал из кармана, выложил на стол. Надо брать, иначе уйдёт. – Марка охватила паническая лихорадка, глаза покраснели ещё сильнее.

– Успокойся. Что мы полиции предъявим?

– Идём! Валим на землю и вяжем, – скомандовал Марк.

– Чем вяжем? – удивился Роман, но Марк его уже не слышал. Он поднялся и пошёл.

Роман двинулся за ним.

– Серая «тойота»... – спросил Марк.

Договорить фразу он не успел. Два выстрела слились в один. От удара двух пуль Марк не упал. Третью, в грудь на вылет, принял Роман. Последнее, что он видел глазами – это белые кроссовки. Потом в упор, через паузу, два контрольных. Роман уже не чувствовал боли. В состоянии комы он угасал спокойно и естественно. Убийца в два прыжка – через ограду веранды и забор – добрался до машины и стремительно исчез со стоянки.

Как только серая «тойота» скрылась, народ от столиков потянулся к своим машинам. Когда поляна опустела, из мотеля вышел охранник и сфотографировал панораму места происшествия, автостоянку, красную «мазду» и чёрный «ауди». К погибшим он не подошёл, чувствовал, что помощи они просить не будут.

Дельфин

Всё вокруг переменялось. Открылись соблазны, которых она не знала. Главный – это свобода. Ты никому не нужна и тебе никто не нужен.

«Олма»

I

На сцене дискуссионного клуба президента не было, точнее он был, присутствовал в отдельном помещении и на диодных панелях. Дисциплинированная аудитория государственных служащих импонировала Данилову. В распахнутом просторном пиджаке из английского букле и седым чубом непокорных волос он неторопливо развивал тему участия науки и религии в техногенной культуре. Илья Николаевич понимал: люди с пиететом относятся не к персоне докладчика, это присутствующий на мониторах президент сковывает нервным единомыслием одетые в санитарные маски лица. Стулья стояли в шахматном порядке, на каждом чёрном поле сидела фигура человека.

На время Илья Николаевич оторвался, забыл о присутствии президента и начал вторым каналом внутренний диалог. Это произошло не умышленно, а от азарта в момент импровизации. «Молодёжь – пешки. Эксперты – лошади и слоны. Король рокировался, он в крепости. Королева? Её нет. Игры не будет. В зале нет соперника», – его мозг механически анализировал ситуацию. Отключить параллельный поток критического сознания Данилов не мог, шутка состояла в том, что мозг ему не принадлежал. Скорее наоборот, он всецело принадлежал серому органу большого объёма, вес которого, вероятно, будет определён в Институте мозга после его смерти.

– Мировые религии – это, прежде всего, хранители традиций, то есть опыта социальной адаптации человека к природе и социальным общностям. Достаточно вспомнить, что именно в историческом развитии мировых религий рождались нравственные общечеловеческие ценности, – в докладе академика русская речь звучала на английский лад. Он громко начинал фразу и мягко завершал её и по привычке между предложениями оставлял паузы для переводчиков. – Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе. Это золотое правило признается во всех мировых религиях. Правда, общечеловеческие ценности не выделены в чистом виде ни в одной из них. Религии, будучи инвариантным содержанием, сплавлены с конкретными интерпретациями, выражающими специфику той или иной культурной традиции. Диалог между различными религиями затруднён именно в силу исторического сплава общечеловеческого и специфических его интерпретаций. Следствием непримиримости специфических трактовок общих принципов является конфронтация между религиозными конфессиями.

На подиуме, в удобных для крупных людей креслах скучали модераторы секции «Наука и религия». Импозантные персоны по-женски внимательно следили за правильным положением ног, потому что полированные длинные столы давно отменили, и в президиуме на переднем плане, под носом у зрителей всегда оказывались туфли и ботинки. Для мероприятий подобного рода требовались идеальные носки, новая модельная обувь и тщательно выглаженные брюки. Соответствующий комплект одежды академик возил с собой, но характерной вещью его гардероба всегда был пиджак с просторными карманами.

В пиджаке философ носил всё необходимое: телефон, ключи, карточки, документы, очки и лекарства. Пустые, свободные руки были ему более к лицу, чем модные аксессуары. Солид-

ный портфель, сумочка через плечо или рюкзачок на американский манер не вязались к имиджу. Академик имел хабитус древнего каменного бога. От прочих его отличала – архаичная улыбка. Нижняя челюсть Ильи Николаевича выступала далеко вперёд. Верхняя губа западала под нижнюю и казалась ещё короче, чем была на самом деле. От этого на лице получался врождённый оскал, похожий на улыбку дельфинов. Высокий лоб добавлял сходство с умным животным. Прозвище «Дельфин» было в ходу среди друзей и родственников. Коллег по институту более цеплял колоритный пиджак, чем высокий лоб и выдающаяся челюсть хозяина. За глаза они называли директора наш «*Mesum porto*», то есть «*omnia mea mesum porto*» – «всё своё ношу с собой». В бытовой жизни академик был стоиком, по городу передвигался на трамваях, электробусах и не чурался общения с населением. Академик славился широкими познаниями в естественных науках, был убеждён, что позитивные знания можно добыть лишь в результате эмпирических опытов, и не видел большого смысла в гуманитарных спекуляциях. Выше всего он ценил волю и рефлексы.

– В традиционалистских культурах, – Данилов продолжал доклад, – миф и религия определяли мировоззренческие ориентации людей. Священные тексты задавали своеобразную ментальную рамку, с которой должны были согласовываться добываемые знания, в том числе и научные. Ситуация изменилась с возникновением техногенного типа цивилизационного развития. В развитии техногенных обществ решающую роль играет изобретение и внедрение новых технологий. В техногенной культуре природа рассматривается как поле человеческой деятельности. Природа становится «натурой», то есть композицией качественно различных вещей, которые вместе с тем имеют определённое свойство однородности, подчиняются строгим законам, общим для различных классов индивидуальных объектов. Законы обнаруживаются при изменениях состояния объектов, поэтому, экспериментируя с этими объектами, погружая их в разные условия взаимодействия, мы получаем метод обнаружения законов природы, их познания и практического освоения.

После возникновения естествознания отношения науки и религии стали подобными отношению взрослеющего сына к своим родителям, когда сын постепенно освобождается от опеки родителей и ведёт самостоятельную жизнь. Но если родители и сын живут в одной семье, то и родители вынуждены адаптироваться к сыну, изменяя характер своего поведения. Эту же мысль можно выразить в терминах описания сложных развивающихся систем, где каждый новый уровень организации, возникающий из предшествующего состояния, воздействует на породившее его целое и видоизменяет его. Или, как говорил Гегель, нечто рождает своё иное, вступает с ним в рефлексивное отношение, а затем осуществляется погружение в основание и изменение целого. Отношение к своему иному всегда есть противоречие, но противоречие, которое снимается новым единством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.